

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Сергей КУЛАКОВ

АФГАНСКИЙ
ПОЛИГОН

Сергей Кулаков
Афганский полигон

«ЭКСМО»

2008

Кулаков С. Ф.

Афганский полигон / С. Ф. Кулаков — «Эксмо», 2008

Опасная работа отучила удивляться капитана ГРУ Романа Морозова. Но тут и он теряется в догадках – кому потребовалось на него покушаться? Кто заказал простого капитана? Между тем служба продолжается: Морозов направлен в Афганистан с приказом помочь англичанам выйти на след террористов-талибов, которые уничтожили британскую колонну. Неожиданным образом обнаруживается связь между загадочным покушением на капитана и людьми, нападшими на британцев. Морозов начинает собственную операцию по выявлению и уничтожению террористов...

© Кулаков С. Ф., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

27 февраля, утро, Москва	9
Москва, спра-салон «Молодость»	11
3 мая, Восточный Афганистан	28
Ближний Восток, частный дом	30
14 мая, 10.30, Москва	32
16 мая, 11.00, Восточный Афганистан	37
16 мая, Восточный Афганистан, 13.30	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Кулаков

Афганский полигон

Толпа бесновалась и потрясала оружием. Сотни распаленных зноем и ненавистью мужчин загрохотали площадь одного из районов Кербелы. Казалось, дома и стены, окружающие площадь, рухнут от оглушительных воплей и угроз, среди которых звучали проклятия врагам ислама, хвалы Аллаху и посулы немедленной расправы над всеми чужеземцами, ступившими на священную землю Ирака.

Сбоку, метрах в ста над городом, показались два узких грязно-бурых вертолета «Апач». В толпе оружие на всякий случай попрятали – знали, чем это может закончиться. Но тем яростнее стали махать кулаками в сторону вертолетов и тем громче скандировать древние воинственные речевки.

«Апачи», поведив горбатыми мордами, заложили вираж, убедились, что военных действий на площади и прилегающих к ней улицах не ведется, и убрались восвояси.

Через пару минут им на смену явился другой вертолет – небольшой юркий «Робинсон», окрашенный в голубой, с белой волнистой полоской по борту, цвет. В отличие от «Апачей», описав полный круг, он не спешил улетать. Зависнув на полукилометровой высоте, он встал точно напротив солнца. Собравшиеся вынуждены были сильно щуриться, чтобы различить голубую каплю в голубом небе, да еще на фоне ярко пылающего светила. Но присутствие «Робинсона» их не обеспокоило. Было ясно, что это журналисты, заняв на всякий случай безопасную позицию, устроились поснимать митинг аборигенов, возмущенных порядками оккупантов.

Убедившись в исчезновении ненавистных «Апачей» и чуя поддержку со стороны «Робинсона», митингующие вытащили «калашниковы» из-под длинных рубах и начали усердно позировать перед снимающей их сверху телекамерой. Они картинно вздымали над головой автоматы и закатывали глаза в невыразимом бешенстве. Некоторые царапали себе грудь и били по темени саблями. Пускай весь мир видит, как сильно они ненавидят американцев и как они не боятся смерти. Кое-кто даже осмелился пустить пару очередей в воздух, деликатно направляя ствол автомата подальше от вертолета журналистов.

В это время на удалении трех километров от Кербелы в длинном песчаном логе остановились приземистый армейский «Хаммер» и БТР. Из БТРа повыпрыгивали до зубов вооруженные спецназовцы и рассыпались по близлежащим холмам, занимая круговую оборону. В зоне видимости небо бороздили три боевых вертолета, прочесывая территорию на предмет возникновения неприятностей в виде шайки местных головорезов.

Из «Хаммера» вышли два офицера в форме Королевских войск Великобритании и двое штатских, инженерного типа мужчин. Один из них, полный лысоватый парень в пропотевшей насквозь рубашке, извлек из «Хаммера» продолговатый ящик в четыре фута длиной и брякнул его на песок. Обращался он с ящиком подчеркнуто небрежно и только что не пинал его ногами. Второй штатский снял с плеча сумку, из нее вытащил ноутбук.

Военные внимательно следили за их действиями. Тот, что был в форме капитана, держал в ладони видеокамеру и фиксировал все происходящее.

– Что теперь? – спросил второй военный, в форме полковника.

– Теперь мы произведем пуск, – широко улыбнувшись, сообщил толстяк. – Если, конечно, вы не против, господин полковник.

– Не против, – буркнул тот. – Приступайте.

– Начинаем, Сэм? – спросил своего напарника улыбчивый штатский.

Сэм, невысокий, собранный, присел на корточки, раскрыл ноутбук и кивнул:

– Начинаем, Джонни.

– О'кей, – отозвался толстяк.

Он откинул крышку ящика и достал из него серую металлическую тубу. Размерами она лишь немногим превосходила те пластиковые тубы, в которых студенты политехнических вузов носят свои чертежи.

Поставив тубу «на попа», для чего из стенок «туловища» были выдвинуты специальные ножи, Джонни двумя поворотами свинтил крышку. Показалось серебристое острое рыльце ракеты.

– У меня все готово, Сэм, – сказал Джонни. – Твое слово.

Сэм кивнул и оглянулся на полковника.

– Подойдите ближе, сэр.

Полковник, тяжело ступая по рыхлому горячему песку, встал за его спиной, за левым плечом. Джонни пристроился за правым. Чтобы не скучать, достал из кармана пакетик фисташек и принялся жизнерадостно ими щелкать. Капитан остался на месте, старательно водя видеокамерой.

– Цель не изменилась? – уточнил Сэм.

– Нет, – лаконично бросил полковник.

– Тогда нанесем ее на карту.

Сэм взял цифровой карандаш – стилус, поставил на экране горизонтальную риску, обозначающую их собственное местоположение, и принялся вести от нее вверх жирную линию. На экране была изображена подробная карта местности, которая плавно разворачивалась по мере продвижения карандаша.

Сэм уверенно провел линию до черты города и потянул ее дальше, сообразуясь с изгибами улиц. Линия из-под карандаша выходила чуть извилистой, но специальная программа тут же выравнивала ее в идеальную прямую.

Пока Сэм чертил, все сохраняли молчание. Лишь Джонни непочтительно щелкал орехами, не обращая внимания на напряженность офицеров. Для него это была обычная работа, и он вел себя точно так же, как в своем проектном бюро.

– Я выбрал этот маршрут. Но можно внести любой другой, – пояснил, глянув на полковника, Сэм.

Полковник кивнул, не отрывая глаз от экрана.

– Можно, – на минуту прервав щелканье, вмешался Джонни, – если высота зданий или возвышенностей не превышает двадцати метров, направить ракету напрямую. Но для этого надо знать все тонкости архитектуры и рельефа. Чтобы не рисковать, лучше пустить ракету в обход любых крупных препятствий.

Полковник снова кивнул. Джонни тоже кивнул, возвращаясь к своим фисташкам.

– Вот наша цель, – сказал Сэм, когда стилус добрался до прямоугольника площади. – В каком месте следует произвести активацию?

– В центре, – прохрипел, дернув горлом, полковник.

Сэм продлил линию до центра площади и обозначил на ее конце небрежную окружность. Программа превратила ее в аккуратный черный кружочек.

– Все, – сказала Сэм. – Маршрут и цель обозначены. Теперь введем их в ракету.

Полковник кивнул, откашливаясь от попавшей в горло пыли. Капитан протянул ему флягу с водой, но полковник сердито отмахнулся, боясь что-нибудь пропустить.

Сэм нажал несколько клавиш, и вдруг на головке ракеты, стоявшей от него в пяти шагах, вспыхнул крошечный зеленый индикатор. Ракета словно прозрела и уставилась на людей изумрудным глазком пристально и недобро.

– Привет, дракоша, – ухмыльнулся Джонни.

– Ввожу данные в ракету, – прокомментировал свои действия Сэм.

Ввод занял несколько секунд. Когда Сэм щелкнул кнопкой «Enter», индикатор отозвался прерывистым импульсом.

– Готово, – сказал вместо Сэма Джонни. – Запускаем, полковник?

Полковник нахмурился и кивнул.

– Давай, Сэм, – толкнул своего приятеля в бок Джонни.

– Нам отойти? – осведомился полковник.

– В этом нет необходимости, сэр, – сказал Сэм.

– Конечно, если не произойдет нештатной ситуации, – раздвинул в улыбке толстые щеки Джонни. – Образец опытный, всякое может быть...

– Сэр, – неуверенно вмешался капитан, – может, вам стоит укрыться за БТРом?

– Я останусь, – твердо сказал полковник, покосившись на ученых. – Продолжайте, господа.

– Произвожу пуск, – буднично сказал Сэм. – Готовность номер один.

Он нажал еще несколько кнопок – и вдруг ракета с резким металлическим щелчком выскочила из тубы. Подпрыгнув метров на пятнадцать, она раскрыла хвостовые стабилизаторы, легла на бок, пустила белую шипящую струю и в один миг исчезла за холмом.

– Ракета пошла к цели, – сказал Сэм. – Даю картинку с ее камеры.

На экране возникло стремительно меняющееся изображение. Видеокамера, вмонтированная в числе прочих приборов в носовую часть ракеты, отображала весь маршрут следования. Вот промелькнули холмы, пески, показались, надвинулись и вдруг выросли стены зданий. Ракета, в точности следуя заложенному в нее маршруту, пошла петлять по улицам города. Перед затаившими дыхание зрителями, как при ускоренном кинопоказе, мелькали то натянутая веревка с бельем, то стайка голубей, то фонарный столб. Ракета, мгновенно оценивая возникающие препятствия, легко огибала их и продолжала полет к цели.

– Даю картинку с вертолета, – сказал Сэм, нажатием клавишей раздвигая изображение на экране.

Теперь на одной половине экрана мелькали быстро меняющиеся виды города, на другой двигалась заполненная народом площадь.

– Двадцать секунд, – сказал Сэм, глядя на таймер в углу картинки с мелькающими видами города. – Пятнадцать. Десять...

Полковник крепко сжал челюсти, глядя на ту часть экрана, где копошилось людское скопище. Оба ученых предпочитали наблюдать за траекторией полета ракеты. Вторая часть экрана их как будто не интересовала.

– Пять, – продолжал Сэм.

Полковник вытянул шею и впился в экран.

– Четыре, три, два, один. Ноль.

На одной половине экрана изображение вспыхнуло и пропало. Остался лишь тусклый «снежок». На другой в центре толпы возникло и мгновенно распространилось во все стороны темное пятно. Люди слились в одну неразличимую массу. Это продолжалось около десяти секунд, затем изображение стало проясняться. Облако рассеялось, и стали видны лежащие вповалку тела.

– Бам, – сказал Джонни и ушел собирать тубу.

– Дайте крупный план, – прохрипел полковник.

Сэм равнодушно пощелкал клавишами. Теперь тела стали видны отчетливее. Окровавленные лица, закинутые головы, нелепо разбросанные конечности. Кое-где, на периферии площади, шевелились раненые, пытаясь подняться. Но весь центр, размером примерно с футбольное поле, был завален бесспорными трупами.

– Потрясающе, – забыв о субординации, выдохнул капитан.

Полковник промолчал. Но по его лицу было видно, что и он впечатлен увиденным.

– Сворачиваемся, сэр? – осведомился Сэм.

Полковник еще какое-то время понаблюдал за площадью, затем кивнул и направился к «Хаммеру», на ходу вынимая из кармана телефон.

На площади стояла мертвая тишина. Лишь сверху доносился жизнерадостный стрекот «Робинсона». Там, где пять минут назад кричали, яростно жестикулировали и топали ногами сотни полнокровных мужчин, лежали внакидку, как манекены, неподвижные тела. Порой доносился слабый стон, вздымалась и тут же бессильно опадала чья-то рука. Лица погибших были залиты кровью, густо вытекающей из глаз, ушей и носов. Уцелевших было немного, и они торопливо уползли в переулки, стремясь уйти подальше от страшного места.

«Робинсон» еще какое-то время кружил над площадью, снизившись метров на двести и меняя время от времени позицию, чтобы лучше заснять тот или иной ракурс. Затем взмыл вверх и бесследно растворился в горячей лазури.

27 февраля, утро, Москва

Поезд Берлин – Москва прибывал точно по расписанию.

За окном проплывали столичные пейзажи. Грязно-серые улицы с потоками заляпанного дорожной жижей транспорта. Громоздкие билборды, нелепо-яркие среди преобладающего серого тона. Неровные бетонные заборы с граффити, свастиками и матерными надписями. Тесные ряды гаражей за ними. Длинные платформы с толпами хмурых пассажиров. Стихийные привокзальные «толчки». Балаганные огоньки торговых центров. Нарядные заправки. Частные особняки. Монолитные громады многоэтажек советской эпохи. Золотые купола церквей. Изгиб реки. Портовые краны. Россыпи мусора вдоль путей. Гигантские остовы строящихся зданий. Справляющий за киоском нужду человек в косматой шубе и с такой же косматой щетиной. Лужи. Озера из луж. Загаженные сугробы. Башни элитных жилых комплексов. Стаи бродячих собак. Вереница джипов и лимузинов на переезде. Вороны, грачи, галки, сбитые в чумазые кучи над мусорными баками. Копоть и смрад большого города, чувствующиеся даже сквозь тройные стекла международного купе-вагона.

Сидящие на чистеньких диванах пассажиры притихли, глядя в окно. Противоречивые чувства читались на их культурных европейских физиономиях. Дальние виды впечатляли. Ближние, мягко говоря, озадачивали. Впрочем, чего еще можно было ожидать от одной из самых загадочных восточных столиц? Экзотика начиналась тут же, прямо у железнодорожных путей. И далеко ходить не надо. А что будет, если сходить? О, тут начинался такой полет фантазии, что захватывало дух.

У одного из пассажиров дух явно не захватывало. Сидя в дальнем от окна углу, он читал «Berliner post», изредка взглядывая в окно, чтобы проверить, далеко ли до станции. Было понятно, что дорогу он знал хорошо и, стало быть, бывал здесь неоднократно.

Из вчерашнего разговора соседи по купе знали, что герр Макс часто ездит в Россию, представляя интересы своей фирмы, торгующей каким-то металлорежущим оборудованием. А больше о герре Максе и говорить ничего не требовалось. Лицом он был неприметен, цвет волос имел светло-русый, хотя блондином его не назовешь, одевался скромно, в жестах и словах был сдержан. Телосложения среднего, кисти рук узловатые, сильные, и шея атлетическая. Похоже, в студенческие годы серьезно занимался борьбой или греблей. В остальном типичный служащий среднего звена. Пройдет мимо – не заметишь.

Когда до прибытия осталось три минуты, он аккуратно сложил газету, надел куртку из темно-зеленой плащевки, кепи с наушниками, достал с верхней полки черную спортивную сумку – весь свой багаж.

– Герр Макс, вы мне не поможете? – неуверенно обратилась к нему фрау Тереза, пожилая полная дама, ехавшая в Москву на конференцию стоматологов.

– Конечно, фрау Тереза, – улыбнулся герр Макс.

Он вытащил из верхнего багажного отделения квадратный пластиковый чемодан, не вставившийся в рундук нижней полки, ловко повернул его в воздухе и бесшумно поставил на пол. Силы в нем, видно, хватало, потому что исполнил он этот цирковой номер без малейшего напряжения.

Два молодых аспиранта-археолога невнятных половых различий с именами Отто и Мари уважительно посмотрели на силача-служащего. Один из аспирантов, тот, который был Мари, даже пискнул от восхищения.

– Большое спасибо, герр Макс, – заколыхалась фрау Тереза. – Вы так любезны, так любезны!

– Пустяки, фрау Тереза, – отозвался герр Макс. – Если вы не возражаете, я помогу вам выйти на платформу.

– О, герр Макс! – смутилась добрая представительница стоматологии. – Это слишком... Хотя я не знаю. Если вас это не затруднит. Конечно, меня будут встречать. Но надо как-то выбраться из вагона...

– Прекрасно, фрау Тереза, – кивнул герр Макс. – Мы подъезжаем. Я пойду к выходу. Догоняйте.

Он открыл дверь, не слушая лепета фрау Терезы, и повез ее чемодан за собой.

Поезд уже останавливался. Народ потянулся из купе в проход. Герр Макс дисциплинированно остановился возле купе проводников, дожидаясь полной остановки состава.

Позади волновалась фрау Тереза, показывала какие-то знаки. Герр Макс двинулся к выходу.

Он выкатил чемодан на дебаркадер Белорусского вокзала, подал руку фрау Терезе и довел ее до человека с плакатиком «*Tereza Stern*» в руках. После чего мило попросился, не забыв кивнуть идущим мимо Отто и Мари, перекинул удобнее через плечо ремень своей сумки и через секунду растворился в людском потоке.

Москва, спа-салон «Молодость»

Роман лишь покряхтывал от удовольствия, когда рука Светы проходила вдоль позвоночника. Там, под левой лопаткой, был старый рубец, дававший о себе знать последнее время весьма чувствительно. А в такой день, как сегодня, в стылую мартовскую непогоду, ныло все тело, и так было сладко прогреться в горячих простынях, а затем отдаться в чуткие руки массажистки.

Светлана «лечила» Романа уже не в первый раз. В прошлом году он проходил у нее восстановительный курс и остался очень доволен – как курсом, так и самой Светланой. Встречались они недолго, но все, что хотели, друг от друга получили и остались друзьями, что было особенно ценно для Романа, всегда разрывающегося между желанием сохранить полную свободу и не оставить врага в лице брошенной им женщины.

Несмотря на молодость, Светлана была опытной массажисткой и, без сомнения, умной женщиной. Она знала толк и в работе, и в чувствах и легко согласилась поужинать сегодня в ресторане, ни единым намеком не выразив недовольства тем, что Роман пригласил ее только на пятый, а не на первый сеанс.

Ну золото была девушка.

Роман лежал ничком, сунув лицо в специальное отверстие на столе, и чувствовал, как при каждом движении Светиных рук в нем будто оживают иссякшие родники, и силы вновь прибавляются, и боль от многочисленных болячек утихает, как по волшебству.

Света, помимо массажа, втирала в него мазь на основе женьшеня, обходилось это недешево, но Роман давно убедился, что экономить на здоровье глупо, тем более на своем. Второй жизни не будет, а доживать первую развалиной как-то не очень интересно, поэтому будь добр заплати, сколько полагается, и получай, как говорят французы, свое удовольствие.

Можно было, конечно, воспользоваться услугами родной Конторы и залечь на пару-тройку недель в профилакторий, отдавшись на попечение суровых врачей и вышколенных медсестер.

Но Роман не любил казенщины, особенно в таком тонком деле, как поправка здоровья. Проходить ежедневно массу обязательных процедур, глотать всякие невкусные пилюли, сидеть на диете и коротать вечера в палате, слушая по ночам храп соседей, – что может быть тоскливее?

Нет уж, увольте. Пока позволяли средства, он предпочитал справляться с текущими проблемами самостоятельно, без привлечения в них государства. Сюда, то есть в салон «Молодость», он навещался максимум на два часа, имел дело только со Светланой, и эффект от общения с ней был куда более значительный, чем от общения со всей здравоохранительной системой. Одно только созерцание стройных ножек массажистки повышало настроение и настраивало на позитивный лад. От прикосновения же ее ласкающих рук мигом забывались все хвори и возвращались нормальные мужские желания, такие, например, как ужин при свечах или охота на буйвола в дебрях реки Конго. Ну, на худой конец, вечер в казино с приличной грудой фишек под рукой.

Понятно, что в профилактории такие желания пациента вряд ли посетят, да и не для того подобные заведения существуют. У них скорее функция прямо противоположная.

А так – и рыбку съел, и сам остался цел. В смысле, конечно, психологическом. Как говорил один из давних приятелей Романа, самая лучшая рыбалка – в рыбном магазине. Был бы в кармане презренный металл. Лови тогда себе, что хочешь: хоть карася, хоть карпа, хоть осетра или, допустим, белорыбицу.

Кстати, о презренном металле. Роман как раз по заданию Лени Пригова, его друга-благодетеля, должен был навести справки об одной фирме...

Тут стоит сказать несколько слов о Лене.

Леня Пригов служил старшим дилером на фондовой бирже. Когда-то, года три назад, Роман оказал ему большую услугу, то есть, если говорить начистоту, спас невинного, в сущности, человека от приличного срока, а возможно, и от чего-то худшего. В благодарность Леня, гениальный биржевой игрок, стал его личным маклером. Получив от этого прямую и быструю выгоду, Роман начал сотрудничать с Леной.

Звание капитана ГРУ – не бог весть какое достижение, но кое на что Роман Евгеньевич Морозов – потомственный москвич, тридцати восьми лет, разведен, детей нет, зато масса вредных привычек – все-таки был способен. Он добывал для Лени нужную информацию, а Леня пускал в оборот деньги Романа, регулярно восполняя их количество. Были проколы, но небольшие. В основном Леня действовал безошибочно, и это позволяло Роману вести вполне обеспеченную даже по столичным меркам жизнь.

Поэтому все, о чем просил его Леня, он выполнял в первую очередь. Правда, иногда задания Конторы отвлекали его от частной практики, что всегда вызывало Ленино недовольство и подвергало место службы Романа убийственной критике. Но Роман, по странной прихоти природы, был устроен так, что защита Родины каким-то необъяснимым образом вытесняла из его сознания все другие интересы, и он неизменно по первому зову трубы отдавался своему основному занятию, хотя бы даже рискуя навсегда потерять благосклонность Лени, который давно отработал все долги и содержал Романа разве что из милости.

Однако Леня терпел, и Роман был ему безмерно за то благодарен. Существовать на зарплату он отвык настолько, что порой даже забывал сходить за ней в Управление. Генерал Слепцов, начальник Романа, зная о побочном промысле подчиненного (весьма нелюбимого, кстати сказать, подчиненного), неоднократно грозил вышвырнуть его за дверь с волчьим билетом в зубах. Но официально придраться было не к чему, перед законом Роман был чист, равно как и перед своей совестью, и потому Слепцов лишь жег его ненавидящим взором, жучил почем зря да держал подальше от заданий, относящихся к особой категории ответственности.

По сему поводу Роман старался не унывать и, хоть гадкий старикашка и раздражал его донельзя своей трусоватостью, бьющим в глаза чинопочитанием и нудной формалистикой, делал свое дело так, как считал нужным, несмотря на все громы и молнии, которые неизменно сыпались на его многострадальную голову.

И, само собой, не забывал о просьбах Лени.

Российский фондовый рынок развивался бешеными темпами, работенки от Лени хватало, и сейчас Роман был занят тем, что пытался прощупать ситуацию вокруг одной нефтедобывающей фирмы. Что там творилось, было неясно. Через одного человечка Роман узнал, что намечаются серьезные перемены, но вот в какую сторону, человечек толком не знал, ибо был далек от кабинетов правления, и нужно было рыть глубже, чтобы вытащить «верняк».

Леня сказал, что в случае успешной операции они могут рассчитывать на прибыль в двадцать процентов, а Леня зря никогда не говорит, и у Романа заранее текли слюнки в предвкушении солидного куша.

В последнее время он сильно поиздержался. Пара неудачных заходов в казино лишила его большей части накоплений, плюс любовница, звезда шоу-бизнеса, влетевшая ему в копеечку с ее тягой к меховым изделиям и поездкам в Куршевель. Слава богу, с ней было покончено, что Роман и собирался сегодня отпраздновать со скромницей Светой.

Опять же лечение обходилось недешево. Поэтому он был настроен на самые решительные действия и готов был разбиться в лепешку, но нужную информацию для Лени добыть.

- Ну вот, теперь камешки, и все, – сказала Света, нежно прилепив его по ягодице.
- Мне не вставать? – спросил Роман, вынимая голову из отверстия.
- И даже не шевелиться, – улыбнулась Света.
- Хорошо, – подчинился Роман, опуская лицо обратно.

Света, в белом коротком халатике, под которым были только загар и кружевное белье, выглядела, как картинка из мужского журнала. Массаж Романа Евгеньевича хоть и расслабил, но не настолько, чтобы при взгляде на такую красоту не ощутить некие волнующие и вполне определенные желания.

Скашивая глаза на мелькающие под столом ноги, он начал соображать, как бы это, не дожидаясь вечера, реализовать кое-что из нахлынувших фантазий прямо здесь и сейчас. Уже внизу живота прошла будоражащая волна, и лежать вдруг стало неудобно, но Света, деловито постукивающая каблучками, положила ему на спину горячий увесистый валун, за ним последовал другой, третий, и Роман, придавленный этим полезным грузом, тут же обмяк, и все суетное разом покинуло его голову и прочие части тела.

Обложив ему спину камнями (стоунтерапия – так называлась эта новомодная древнеримская процедура), Света накрыла его простыней, присела к столу и занялась своими делами.

Наслаждаясь теплом, идущим от камней, Роман прикрыл глаза и задремал. В кабинете было тихо, только доносилась как бы издалека умиротворяющая возня Светы за компьютером. Сон уже начал охватывать Романа, и он, наверное, с удовольствием ему подчинился бы, но тут зазвонил телефон. Повинуясь многолетним инстинктам, Роман вынырнул из дремы и прислушался.

– Аллю? – охраняя отдых клиента, приглушенно спросила Света.

Вслед за тем тон ее резко изменился.

– Что? Какая жалоба?! Кто вы такой? Где? Хорошо, я сейчас приду.

Она поднялась, с визгом отодвинув стул.

– Проблемы? – спросил Роман, глядя в клетчатый пол под собой.

– Ничего не понимаю! – сказала Света.

Ее каблучки грозно простучали по всей комнате.

– Ты полежи, Рома, я быстро, – сказала она от двери. – Надо подойти в кабинет начальника. Какой-то идиот на меня пришел жаловаться.

– Ничего, Светик, – отозвался Роман. – Иди, конечно. И постарайся не нервничать, ты мне сегодня еще понадобишься. Веселой и красивой.

– Будешь тут веселой, – проворчала Света, выходя из кабинета.

Стукнула дверь, снова стало тихо.

Роман расслабил члены и прикрыл веки. Дрема улетучилась, но и без нее было так хорошо полеживать под согревающей и целительной тяжестью камней.

Интересно, кому это Света не угодила? Должно быть, привереда из «новых русских», бывших лаборантов, навсегда ущемленных убогой молодостью. Или какой-нибудь маньячок, не получивший отклик на некоторые свои притязания и решивший отомстить строптивнице таким вот поганым способом.

Надо будет, если дело не уладится миром, потолковать с ним, решил Роман, объяснить, что свои сексуальные проблемы следует решать у другого специалиста, с резиновым молоточком в руке.

Вдруг Роман услышал звук открываемой двери и снова прислушался. Света? С ее ухода не прошло и минуты, не могла же она так быстро вернуться. Да и каблучки не цокали, их Роман уловил бы еще на подходе. Может, показалось?

Хрустнула еле слышно пружинка в дверном замке. Кто-то отпустил ручку, закрыв дверь. С той стороны или с этой?

Роман хотел глянуть, но побоялся, что сдвинет, а то и обрушит камни со спины. Разобьются о кафельный пол, поди потом, оправдайся перед Светой. Камешки не простые, вулканические, булыжники с Москвы-реки взамен не принесешь.

Вдавив лоб в край отверстия и вывернув до боли зрачки, Роман увидел нижний край перегородки, отделяющей входную дверь от кабинета. Но, кроме полоски плинтуса, ничего более разглядеть не смог.

– Кто здесь? – спросил он.

В ответ не раздалось ни звука. Можно было подумать, что кто-то снаружи по ошибке приоткрыл дверь и снова ее закрыл.

Но Роман знал, что в кабинете кто-то есть. Внутренний колокольчик дребезжал негромко, но настойчиво, и это был верный знак того, что рядом возникло поле, от которого исходила явственная угроза. Не– обязательно именно Роману, но в том, что угроза появилась, не было никаких сомнений. В кабинет кто-то вошел, закрыв за собой дверь со всей возможной аккуратностью. И если этот кто-то затаился, не подавая голоса, то вряд ли его намерения носили доброжелательный характер.

Проклиная лежащие на спине камни, буквально приковавшие его к столу, Роман обратился в слух, попутно соображая, кто бы это мог быть.

Наверное, все-таки маньячок. Выманил Свету и теперь решил устроить ей сюрприз по возвращении.

Ну, погоди, с веселой яростью подумал Роман, я тебе покажу, гнида ты такая, сюрприз. Ты у меня узнаешь, каково это – портить хорошим людям жизнь. Я тебе такое устрою, своих не узнаешь. И хорошо, если ты потом оклемаешься в Институте Сербского.

Вот только как быть с камнями? Подождать Свету и после устроить разборки? Или попытаться осторожно скатить их, придерживая рукой, и поговорить с гостем, не дожидаясь хозяйки? Пожалуй, так было бы лучше всего. В самом деле, зачем Свету вмешивать? Надо обтупать дельце до ее возвращения.

Нет, ну каков наглец! Влез без спроса, испортил сеанс, молчит, сволочь.

Начиная закипать, Роман потянулся за камнем на крестце, одновременно подымая голову.

И в тот же миг услышал отчетливый щелчок.

Предохранитель!

Роман боком, как лежал, так и кувырнулся со стола, сопровождаемый оглушительным грохотом падающих камней. Rolling stones, подумал он краем сознания, хватая один из камней и запуская в ту сторону, откуда послышался щелчок.

Со всех сторон захлопало, загремело, посыпалось!

Захлопали выстрелы из пистолета, снабженного глушителем, загремело и посыпалось разбитое камнем стекло.

Роман, двигаясь короткими, мечущимися рывками, хватал на ощупь камни и бросал в стрелявшего. Когда он упал на пол, его накрыло простыней. Он ничего не мог видеть и действовал вслепую, ориентируясь только на звуки выстрелов и доверяясь лишь своему тренированному телу, спасающему самое себя от неминуемой смерти.

В одно из мгновений ему удалось сорвать с себя простыню и увидеть стрелявшего. Незнакомый мужчина средних лет хладнокровно целился в него и нажимал на спуск.

Роман подскочил, одновременно с силой опрокидывая перед собой стол. Стреляющий мгновенно переместился, и Роман едва успел увернуться от очередного выстрела.

Он метнулся за Светин стол, и пуля тут же вцепилась в стену над ним. Роман оттолкнулся от пола, рыбкой прыгнул в другой угол. Пули зашлепали в стены, кроша плитку, окружая горячими вихрями.

Одна из них ожгла бок, заставила взвинтить темп до сумасшедшей скорости.

Из последних сил Роман махнул за опрокинутый массажный стол, пропуская очередную пулю над собой, подхватил черный овальный камень и, юзом скользя по полу, прицельно швырнул в стрелявшего.

Тот от камня уклонился, но и ответного выстрела не последовало.

«Кончились патроны», – понял Роман.

В следующий миг он кинулся на стрелка, не давая ему времени сменить обойму. Тот моментально скрылся за перегородкой, послышался удар в дверь.

Уходит!

Роман вскочил и бросился за ним, не забыв подхватить один из камней. При отсутствии оружия сойдет хотя бы и камень.

Выпрыгнув в коридор, он увидел резво удаляющийся силуэт. А парень-то из профессионалов, подумал Роман, устремляясь следом, лишнего риска не ищет и грамотно покидает стратегически невыгодную позицию.

Что ж, посмотрим, кто из нас профессиональнее.

Ураганом несясь по коридору, Роман увидел прижавшуюся к стене Свету. Глаза и рот ее были широко раскрыты.

– Света, я скоро, – крикнул на бегу Роман.

Что ответила Света, Роман не узнал, потому что через секунду был уже далеко.

Тем временем стрелок круто свернул налево в конце коридора – и пропал.

Ясно. Выбежал на лестницу.

Роман надал и в один сумасшедший рывок достиг лестницы.

Глянул вниз, вверх. Уловил мелькнувшую двумя пролетами выше тень, услышал дробный топот. Резвый дяденька. Побегай за таким.

Раздумывать было некогда. Роман бросил ненужный камень, только мешавший при беге, ухватился за перила и через три ступеньки начал размашисто подниматься вверх. Выстрелов не было, да оно и понятно. Пока Роман держал такой темп, у стрелка не было времени на перезарядку. А возможно, не брал запасную обойму. Если точно знал, что первыми двумя-тремя выстрелами поразит цель. В таких случаях запасная обойма ни к чему, лишняя улика. Выбросил пистолет в мусорный бак, вот ты и чист. Наемники обычно так и поступают.

Роман поднялся на пять этажей, все время слыша над собой быстрый топот, и уже начал задыхаться. И то не мальчик в догонялки по лестницам играть. Но погоня так или иначе подходила к концу. Следующий этаж – двадцатый, он же последний. И, стало быть, сейчас и развязка всей этой стрельбе и беготне наступит.

Взмахнув на чердак, Роман увидел распахнутую дверь на крышу. Чуть замедлил темп, восстанавливая дыхание. Главное, не попасться на выходе.

На цыпочках подлетев к двери, Роман низко пригнулся и прыгнул вытянутыми руками вперед, спиной приземляясь на кровельную жесть.

Елки-палки, как холодно. Спину точно обожгло. Роман перекатился, вскочил, обозначил, что двинется вправо, качнулся и рывком поднялся влево.

Нет, выстрелов не последовало. Значит, второй обоймы нет. Хм, вот как.

Мягко пружиня ногами, Роман обогнул чердачную надстройку и увидел своего врага.

Тот успел добежать до другой надстройки и дергал запертую дверь.

Увидел Романа, оставил дверь, усмехнулся. Пистолета при нем не было. Значит, выбросил по дороге. Наверное, на чердаке.

Роман поежился. Черт, ну и холодина. А ветер какой! Того и гляди сдует. Отломил ледышку, приложил к кровоточащему боку. Ничего, всего лишь царапина.

Он медленно приближался к противнику. Теперь спешить не было смысла. Ему не уйти. Роман преграждал единственный выход. И они были одни на этой продуваемой ледяным ветром, покрытой скользкой наледью крыше.

Компьютер, сидевший внутри Романа, оценивал телосложение противника, его биомеханику и поведенческую психологию. Полученные данные не утешали. Человек, стоящий перед

Романом, был силен, ловок и хладнокровен. Вряд ли такой захочет сдаться. А раз так, дело дойдет до рукопашной.

Роман снова поежился. Ох, и ветрюганище. Хорошо бы сидеть сейчас в машине, слушать музыку. И держать путь на светлый, уютный ресторан.

Ну, вот и подошел. Со свиданьем.

– Быстро бегаєте, – сказал Роман.

Хотелось услышать голос. Интонация многое может сказать о человеке. Почти все.

Но человек молчал. И улыбаться перестал. Просто ждал, что последует дальше. Лицо – совершенно незнакомое лицо – было непроницаемым, как маска. Но в глазах читалось сомнение. Не понимал, как можно из всей десятизарядной обоймы, выпущенной почти в упор, получить лишь легкую царапину. А если человек чего-то не понимает, он становится уязвим.

– Есть вариант, – сказал Роман. – Снимаете ремень, становитесь на колени, руки за спину. Я связываю руки, и мы идем вниз. Согласны?

Незнакомец никак не прореагировал. Выдержка у него была что надо. Глаза смотрели в лицо Роману, но как бы и мимо. Серьезный товарищ.

Вдруг, не меняя в выражения лица, он безмолвно бросился в атаку. Показал, что будет бить ногой в пах, но затем плетью хлестнули в воздухе кончики пальцев, нацеленные в глаза.

Роман отклонился быстрым финтом, ударил навстречу кулаком в бицепс, прыгнул в сторону.

Противник тоже отскочил, его правая рука повисла. Теперь на лице читались изумление и боль. Он потряхивал кистью, но толку с правой руки уже не было никакого. Схватку можно было считать законченной.

– Не будьте дураком, – сказал Роман, делая шаг вперед. – И не надейтесь меня заморозить...

Недослушав его, незнакомец повернулся и побежал. Это уже становилось неинтересным.

Роман вздохнул и побежал следом. Наверное, резвый бегун, не видя иного варианта спасения, решил снова поиграть в догоняшки, чтобы каким-нибудь хитрым маневром проскочить в открытую надстройку и рвануть по лестнице вниз. План хоть и жидкий, но шансы все-таки были. У Романа ноги онемели от холода. И если его подержать на крыше еще с пяток минут, спринтер с него будет никакой. У того, кто имел на ногах обувь, было заведомое преимущество.

Чтобы хоть капельку согреться, Роман отличным спуртом сократил расстояние и бросился наперерез, отсекая противника от надстройки. Нет, милый, туда я тебя точно не пушу, хоть в ледышку превращусь. Света уже наверняка позвонила в милицию, и скоро здесь будет целый отряд загонщиков. От всех не убежишь, и не надейся.

Внезапно незнакомец подхватил на бегу кусок ржавой железной полоски, валявшийся на крыше, развернулся и рубанул преследователя по колену.

Роман подпрыгнул, пропуская свистнувшую железку под собой, и с лету ударил ногой в грудь противнику.

Тот упал на спину, откатился к парапету, но железки не выпустил. Вскочив на ноги, он снова попытался достать Романа своей импровизированной шашкой. Возможно, работай у него правая рука, что-то у него и получилось бы. Но левая действовала чуть замедленнее, и Роман без труда уклонялся от замахов.

Увлечшись, он круговым ударом ноги выбил железку и на секунду оказался в статичном положении.

Незнакомец как будто только этого и ждал, растопырил руки и по-борцовски бросился на Романа. Правая, оказывается, у него все же работала, просто он до последнего скрывал это.

Бороться Роман не любил, с его конституцией в тесный длительный контакт лучше было не вступать. Поэтому он ухватил нападавшего за лацканы пиджака, дернул его на себя и, падая

на спину, обеими ногами что было сил толкнул в живот, стремясь как можно быстрее освободиться от захвата.

Противник, скользнув руками по голым плечам Романа, кулем перелетел через него, вскинув дрыгнувшие ботинки к небу. Послышался вскрик – это был первый раз, когда незнакомец подал голос, – но звука от падения тела не последовало.

Еще не поняв, Роман пружинисто вскочил, повертывая голову.

За его спиной был парапет.

Откуда-то снизу донесся глухой шлепок. Как будто комок теста с размаху бросили на разделочную доску. Кто-то закричал.

Роман, уже зная, что сейчас увидит, перегнулся через парапет.

Далеко внизу, на полоске газона, скрючившись, лежало неподвижное тело. Что-то под ним темнело, кажется, смятая урна.

Прохожие уже образовывали вокруг тела боязливое кольцо. Некоторые любознательно поглядывали наверх. Кто-то протянул руку, показывая на торчащую над парапетом голову.

Роман отклонился и трусцой побежал к чердачной надстройке. Член потешно кивался вверх-вниз. До этого Роман как-то не обращал на него внимания. Теперь вот обратил. Но не засмеялся, потому что холодно было до жути. Он уже совсем не чувствовал ног. Слышался только гулкой стук пяток в жесть, но ощущений никаких не было. Как на ходулях.

Наверное, кони так ходят, подумал он. Что-то стучит внизу, а что, не понять. Очень удобно, особенно в мороз и снег.

Добежав до двери, Роман проскочил такой же холодный, как крыша, чердак и выбежал на лестницу.

Тут уже было помягче. Роман ожесточенно растер стопы, промежность, поясницу, грудь, вышел в коридор и направился к лифту, чувствуя благословенное шершавое тепло ковровой дорожки под оживающими ногами.

А хорошо придумали древние греки с борьбой в обнаженном виде. Ни тебе отворотов борцовской куртки, ни пиджачных лацканов, за которые можно ухватиться. Все правильно, никаких женских штучек. Тот, кто привык на тренировках работать в одежде (а это практически все), перед голышом просто бессилён. Что и показала минувшая схватка.

Жаль, закончилась она не совсем удачно. Наемника следовало брать живым, это железное правило. Ну, не рассчитал силы на морозе. Да и рисковать не хотелось, ввязываясь с борьбу, пихал ногами что было мочи. Впопыхах не учел близость парапета – всего-то ошибки. А если бы тот обхватил своим ручищами – кисти у него были ого-го, – вырваться было бы трудненько. И еще неизвестно, кто сейчас лежал бы на асфальте.

Но Слепцову этого не объяснишь. У него как что, так во всем виноват капитан Морозов.

И кажется, на этот раз он будет иметь все основания для праведного гнева.

Из дверей вышла девушка классического офисного типа, выпучила глаза, вжалась в стену. Ну что, голых мужчин не видела?

Наверное, не видела. В ее глазах стоял первобытный ужас.

Дважды правы древние греки, не пуская женщин на Олимпийские игры. Они бы там только и делали, что падали в обморок.

– Я вам снюсь, – сказал Роман.

– Угу-у... – жалобно проблеяла вслед девушка.

Ну вот, теперь будет разговор. Надо скорее уходить, пока остальные не сбежались.

Роман нажал кнопку вызова лифта, сложил руки на причинном месте. Главное, чтобы лифт пришел пустой.

Звякнуло, двери лифта открылись. Пожилая блондинка оторопело уставилась на худощавую мускулистую фигуру. Мужчина в строгом костюме подергал носом очки, как бы пытаясь убедиться, не дают ли они искажения видимости.

– Вниз? – вежливо спросил Роман.

– Да, – медленно розовея, кивнула блондинка.

Роман вошел в кабинку, пряча окровавленный бок, локтем нажал пятнадцатый этаж. Улыбнулся блондинке. На мужчину в строгом костюме во избежание скандала не смотрел.

– Новая мода? – тем не менее осведомился тот.

– Это вы о моей прическе? – спросил Роман.

Мужчина дернул головой и промолчал. Сообразил, что, разговаривая с голым в лифте, автоматически ставит себя в дурацкое положение.

Лифт звякнул, двери открылись. Роман еще раз улыбнулся мило краснеющей блондинке и вышел в коридор, мужественно поджимая ягодицы. Заботился о том, чтобы эстетические критерии попугачицы не пострадали.

В кабинете Светы, понятное дело, было многолюдно. Сбежались коллеги и начальство. Вид голого Романа никого не смутил, этот этаж был привычен к обнаженной натуре. Скорее, смутился он, когда все замолчали и вытаращились на него.

Он быстро натянул брюки, показал удостоверение, выставил посторонних. Остались только Света и ее начальник.

– Ты цел? – спросила Света, несколько потерянно бродившая по разгромленному кабинету.

– Цел.

– А тот?

– Не очень.

– Вы можете объяснить, что здесь произошло? – робко спросил начальник, сырой, одышливый гомосексуалист в обтягивающей атласной рубашке канареечного цвета.

– Позже, – сказал Роман. – В милицию сообщили?

– Да...

– Ждем милицию.

– У тебя рана на боку, – сказала Света. – Давай я обработаю.

– Сейчас, – сказал Роман. – Сделаю звонок.

Он отошел в угол, набрал номер Дубинина.

– Здорово, подполковник.

– Когда ты, Морозов, освоишь нехитрую уставную лексику? – вздохнул Дубинин.

– А что такое?

– Ну как ты приветствуешь своего непосредственного начальника?

– Непосредственно.

– Вот-вот.

– Зато с радостью.

– Нужна мне твоя радость.

– Тогда приготовься.

– Опять что-то натворил? – насторожился Дубинин.

– Зачем так категорично?

– Говори!

Роман коротко рассказал о случившемся.

– Хотя бы кто он по национальности? – спросил, помолчав, Дубинин. – Наш или залетный?

– Хоть убей, не знаю, – сказал Роман. – Ни словечком, гад, не одарил. Может, перед приземлением что сказал. Но я не слышал. Далеко было...

– Шефу пока докладывать не буду, – задумчиво сказал Дубинин. – Установим пока, кто такой. Ты как, цел? Приехать сможешь?

– Смогу.

– Ладно, разбирайся там с милицией. наших я подключу позже, когда заберут труп. Будь на связи.

– Есть, товарищ подполковник.

– Эх, Морозов, – проскрежетал Дубинин, вместо того, чтобы порадоваться уставной лексике.

Только Света села промывать и заклеивать порванный бок, ввалились милицейские. Стало шумно и бестолково.

Освободиться Роман смог только после того, как все протоколы были составлены и тело увезли в морг. Заверив очумевшую от допросов и вконец расстроенную Свету, что вечернего свидания никто не отменял, и попросив ее лишь захватить с собой медицинский халатик, Роман поехал в Управление.

– Новости есть? – спросил он Дубинина, входя в приемную.

Дубинин кисло посмотрел на него, указал пальцем на стул.

Роман присел, понимая, что Дубинин просто так, для задушевной беседы, на стул сажать не будет.

Некоторое время Дубинин молчал, хмуря брови. Хотел, видимо, чтобы Роман проникся серьезностью момента. Роман проникался, попутно разглядывая китель подполковника, прямо-таки обливавший его широкие плечи и выпуклую грудь. Красив был подполковник. Образец офицера. Белая кость. Будь сейчас царские времена, он за одну только выправку в генералах уже ходил бы. Впрочем, генеральские лампасы от него и так не уйдут, это понятно.

Будущий генерал, в свою очередь, изучал внешний вид вечного капитана. Жемчужно-серый, в полоску, костюм от Гуччи, сиреневая, с высоким распахнутым воротом, рубашка от Версаче, туфли с имитацией заплаток – последний писк тусовочной моды, прическа иглами дикобраза, часы «Омега» – как у Пирса Бронсана (или Джеймса Бонда, кому как нравится).

В общем, вполне приличный вид. Для ночного клуба. Но не для этой приемной.

Роман прекрасно знал, что его туалет здесь не к месту, но для переодевания и перечесывания надо было заезжать домой, а это слишком большие усилия для того, чтобы угодить генералу Слепцову. Да и старайся не старайся, все равно не угодишь, тут Роман давно иллюзий не питал. Как говорится, у вас никогда не будет второго шанса произвести первое впечатление. А Роман свой шанс давно использовал, и, увы, неудачно. До того, что не было смысла что-либо исправлять. Так что пусть уж как есть, так все и остается. Какой прок от лишней суеты?

– Ну что, капитан, доигрался? – спросил Дубинин, сдвигая густые, ровными дугами брови.

Казалось, у него и брови растут по уставу.

– Вы о чем, товарищ подполковник? – невинно глянул на него Роман.

– О том, – процедил Дубинин. – Ты какого черта делал в этом салоне?

– Как – какого? – удивился Роман. – Вообще-то лечился. Радикулит, бурсит, торакалгия...

– Все?

– Нет, еще кое-что...

– Этого и у меня хватает, – неожиданно признался Дубинин, менее всего казавшийся обладателем хотя бы безобидного растяжения. – Я не о том.

– О чем же, товарищ подполковник? – искательно подался вперед Роман.

– Да о том, – покосился на него Дубинин, – что хреновый из тебя работник, вот о чем.

– Не понял, – обиделся Роман.

– А чего тут понимать? Дал к себе подобраться практически вплотную. Как еще жив остался...

– Виноват... – потупился Роман. – Случайно.

Тут Дубинин был абсолютно прав. Любой дилетант знает, что для совершения заказного убийства жертву сначала надо тщательно отследить, узнать расписание ее жизни, маршруты движения, контактеров, определить наиболее уязвимые места. То есть на все это требуется время, в один день все не провернешь. Кто-то долго – не меньше двух недель – следил за капитаном Морозовым, препарировал его жизнь, а он ни ухом ни рылом. Лежал себе носом в дырку и думал о всяких несуразностях. И ни разу за все дни у него не возникло ощущения того, что за ним ведется слежка.

Несомненно, работал профессионал. Его в одиночку засечь невозможно. Роман ничего такого близко в голове не держал. Но все-таки – это прокол, как ни крути. Все оправдания – чепуха на постном масле. Он должен был почуять слежку. Должен, и все. Вот что мучило сейчас Романа. И прав Дубинин насчет работника. Если он допускает подобные ошибки, грош ему цена. Так что лучше не хорохориться. И не удивляться, если предложат подать рапорт на увольнение. В общем-то, не будет дурным тоном, если он сделает это сам, не дожидаясь официального предложения.

– Вот то-то и оно, – назидательно молвил Дубинин. – Ладно, это все шефу будешь объяснять. Он тут рвал и метал, как узнал, кто за тобой охотился.

– И кто же?

– О! – усмехнулся Дубинин. – Так тебе все и скажи.

– Не мучь дите, подполковник!

– Ладно. Но с тебя архивщикам коньяк.

– Заметано.

– В общем, паренек оказался невидимкой. Милиция сразу от него отказалась, ничего подобного в их базах данных на него нет. И быть не могло. Наши возможности пошире, но и нам пришлось попотеть...

– Ну, не тяни, – взмолился Роман.

– В общем, перерыли все, что было, но нашли-таки твоего Икара. Он из Штази. Один из лучших агентов-ликвидаторов. Готовился когда-то специально для выполнения конфиденциальных заданий. Но грянула перестройка, в Германии началось черт-те что...

– А где оно не началось? – вставил Роман.

– Во-во. В общем, Генрих Мария Шпильман, который успел кое-кого убрать, мог загреметь за решетку лет эдак на сто. Чтобы этого не случилось, он предпринял некоторые меры. Учили-то его на совесть. В том числе и у нас. Обзавелся документами некоего Эрнста Рейке. Устроил пожар, где вместо себя сжег тело настоящего Рейке. И уехал жить на другой конец Германии. После всего этого он вышел на нас, предлагая свои услуги. Растерялся по первости, молод еще был. Да и на новую родину точила обида. Поэтому у нас имеется вся история его жизни до перевоплощения и совсем немного после. Потом он пропал, и мы ничего о нем не слышали. И вот – нашелся.

– Ошибки быть не может? – спросил Роман.

Дубинин покачал головой.

– Исключено. Хотя внешность он подкорректировал капитально. На лице имеются микрошрамы от операций. Изменил форму ушей, носа, век. Опознать его по фото невозможно. Другой человек. Но мы идентифицировали его по отпечаткам пальцев. Благо у нас имеется дубликат архива Штази. Дактилоскопический анализ с точностью показал, что это Шпильман. Вот такие пироги.

– Да, – кивнул Роман. – Любопытно. Судя по тому, как он работал, навыков он не растерял. Видно, подвизался все эти годы на прежнем поприще.

– Наверняка. Кстати, в Москву он приехал под именем Макса Клюфта. Менеджер из Висбадена. Документы в порядке. Легально поселился в гостинице.

– Давно приехал?

- Три недели назад.
- Понятно.
- Что тебе понятно?
- Что ничего не понятно.
- Вот именно.

Дубинин прищурился.

– Интересно, кому это ты так насолил, что по твою душу прислали киллера аж из-за границы?

– Бог его знает, – пожал плечами Роман. – Как говаривал Козьма Прутков, и устрица врагов имеет. А у меня их – море. Так что даже предположений нет.

– Ну-ну. Устрица. Пойду доложу шефу, что ты здесь. Застегни ворот.

– Ладно.

– Морозов!

– Есть, товарищ подполковник.

Роман застегнул все пуговички, кроме последней, под самым горлом. Ну, должен же Слепцов понимать, что без галстука на последнюю пуговицу не застегиваются. Не живет же он всю жизнь в форме, когда-то и по-человечески одевается.

Дубинин вышел из кабинета, указал на дверь.

– Заходи.

Роман молча прошел мимо него, чуть задержался на пороге.

Сейчас начнется.

Дверь закрылась.

– Разрешите, товарищ генерал?

– Проходите, капитан, садитесь. Добрый день.

Слепцов вышел навстречу, протянул руку. Роман удивился до того, что даже забыл сосчитать на этот счет. Мысленно, разумеется, поскольку грубить первым было не в его правилах.

Рука у генерала была большая, пухлая, увесистая. Генеральская, одним словом, рука.

Указав на стул, Слепцов сел за свой стол. Это всегда было внушительное зрелище – Слепцов за своим столом. Золото погон, роскошный китель, гирлянда значков на груди, очки в золотой оправе, отливающая сталью седина. Взгляд, могущий испепелить в одно мгновение. И поджатые, съеденные годами губы, с которых щедро слетали язвительные замечания и суровые внушения.

В ожидании последних Роман повесил голову и приготовился молча снести все, что потребуется. Заслужил, чего уж там.

Однако Слепцов, удивив с порога, продолжал удивлять и дальше.

– Как вы, капитан? – отечески посверкивая очками, спросил он. – Как рана?

– Ничего, товарищ генерал, – осторожно ответил Роман. – Не беспокоит.

– Вы бы зашли к нашим врачам. Пусть посмотрят.

– Есть, товарищ генерал. Зайду...

Слепцов заглянул в лежащую перед ним папку.

– Подполковник Дубинин сообщил вам, кто на вас покушался?

– Сообщил, товарищ генерал.

– Что еще вам известно?

– Только это, товарищ генерал.

Слепцов добродушно улыбнулся.

– Мы давно работаем вместе. Зовите меня наедине Николаем Викторовичем.

– Хорошо... Николай Викторович.

Роман не без труда преодолел сложный внутренний барьер, образованный из двух десятков лет армейской субординации (где капитан, а где генерал) и трех лет острой взаимной неприязни со Слепцовым.

Николаем, как выяснилось, Викторовичем.

Ладно, пусть все идет так, как идет. Не он первый предложил этот компромисс. Не ему и расхлебывать.

– На чердаке найден пистолет системы «глок», – сообщил Слепцов. – Сделан он по спецзаказу, отпечатков на нем не остается. Так что, если бы вас... гм... если бы покушение прошло успешно, у нас не было бы ни малейшей зацепки для установления личности убийцы.

– Похоже, что так, – согласился Роман.

– Это могло бы иметь катастрофические последствия. Понимаете, почему?

– Примерно, товарищ генерал.

Вот уж не думал, расправил плечи Роман, что его скромная персона оценивается столь высоко.

Но все оказалось проще. И одновременно сложнее, как это часто бывает при заведомо упрощенной трактовке очевидного.

– Наверху уже проинформированы о случившемся. И это вызвало, как бы сказать точнее, большое волнение. Выходит, что кому-то известны имена и адреса наших сотрудников. Если, конечно, не имеет места частный случай.

Роман начал понимать, к чему ведет генерал, и плечи его медленно опустились.

– Как вы сами полагаете, Роман Евгеньевич, это не ваши личные делишки местного, так сказать, характера? Возможно, кто-то из заправил отечественного теневого бизнеса решил расквитаться с вами за какой-то ваш грешок. Тогда и адрес ваш был кому-то известен, и выследить вас было проще. Такое вероятно?

Роман хотел обидеться. Но, глядя на горящую в очках Слепцова надежду, решил, что обижаться не следует. Похоже, происшествие вызвало большой переполох. Гораздо больший, чем он ожидал. Как же, под удар поставлено все Управление, ни много ни мало. Если кто-то владеет информацией по всему штату сотрудников, это приведет к серьезнейшим осложнениям. Масса народа по всему миру лишается прикрытия, и, чтобы всех обезопасить, государству придется затратить колоссальные средства. Поэтому так ласков Слепцов. Он просто напуган, дошло до Романа. Дело теряло контуры отдельно взятого инцидента и приобретало размах глобальной проблемы.

– Так что, Роман Евгеньевич? – повторил искательно Слепцов. – Возможно, что это местные, так сказать, разборки? Что вы сами думаете по этому поводу?

– Конечно, я не безгрешен, – сказал Роман, взвешивая каждое слово. – И порой у меня, как у каждого человека, возникают межличностные конфликты. Но я уверен, что никому *здесь* я не испортил жизнь настолько, чтобы для моего устранения нанимать киллера из-за бугра. В крайнем случае, обошлись бы своими силами, у нас таких спецов хватает. К тому же услуги профессионала уровня Шпильмана стоят весьма недешево, а я слишком скромная персона, чтобы из-за меня входить в подобные расходы.

– То есть, – уныло подытожил Слепцов, – вы можете поручиться, что за приедем киллером не стоял местный заказчик?

– Могу, товарищ генерал.

– Выходит, след тянется оттуда?

– Похоже, что так.

– Но как оттуда могли выйти на вас здесь?

Роман промолчал. Ответ напрашивался сам собой.

– Значит, имеет место утечка информации, – еще более уныло сказал Слепцов. – Либо в Управлении завелся «крот», либо... кто-то сумел выкрасть данные о сотрудниках. А это... это...

Он замолчал и беспомощно развел руками. Роману впервые за все годы стало его жалко. Да, ситуация. Теперь, чтобы в ней разобраться, надо проводить долгое, чрезвычайно сложное расследование, результат которого совершенно непредсказуем.

По сути, это проблема всего Управления, и лично Слепцов здесь как бы ни при чем. Но – покушение было совершено на сотрудника его отдела. И, стало быть, в первую очередь ответственность ложится на него. Получалось, что Роман подставил своего шефа, причем по самому высокому разряду.

Пожалуй, подумал Роман, было бы лучше для всех, чтобы меня спокойно застрелили и убийца удалился в неизвестном направлении. Немного повозились бы и с чистой совестью списали инцидент на местные разборки, в которые имел неосторожность влезть капитан Морозов, известный своей безалаберностью и страстью к легкой наживе. И всем было бы хорошо, и не нависали бы эти кошмарные для любой разведслужбы подозрения в наличии «крота» в структуре. Во всяком случае, карьере генерал-лейтенанта Слепцова точно ничего не угрожало бы. А так – скандал в благородном семействе, паника и тотальная головная боль.

– Что же будем делать, Роман Евгеньевич? – тихо спросил Слепцов.

– Трудно сказать, Николай Викторович, – так же тихо сказал Роман.

– Оттуда, – воздел глаза бедный генерал, – требуют разобраться как можно быстрее.

– То есть им требуется имя заказчика, – внес ясность Роман.

– Точно так, – закивал Слепцов. – Точно так. Именно – имя заказчика. И если бы вы, Роман Евгеньевич, сумели все же определить, кто мог желать вашей смерти, мы бы могли существенно сузить вопрос. Вы понимаете? Даже если бы вы назвали имена двух-трех человек, это была бы уже какая-то конкретика, от которой мы могли бы оттолкнуться в расследовании дела.

«От которой ты смог бы отчитаться начальству», – подумал Роман.

Впрочем, подумал без всякой злобы. Да и как можно было испытывать злобу к человеку, просто-таки расплюсненному свалившейся на него бедой?

– Но я не знаю... – задумался Роман. – Вообще-то, в каждом моем деле фигурируют люди, желавшие бы отомстить мне. Правда, все они должны понимать, что действовал я не в своих интересах, а в интересах государства. То есть мстить мне лично бессмысленно. Разве только какой одержимый...

– Да, да, Роман Евгеньевич, – поднял палец Слепцов. – Вот именно – одержимый. Возможно, кто-то ненавидит вас настолько, что желал бы отомстить вам лично. И этого человека мы должны найти. Тогда все вопросы снялись бы автоматически.

– Это крайне сложно, товарищ генерал, – возразил Роман. – Вы же сами знаете, что по роду нашей деятельности мы в основном имеем дело с людьми не совсем нормальными. А добрая часть из них вообще законченные психопаты. Я могу назвать не один десяток имен, но какой с этого толк?

– Надо, чтобы был толк, – блеснул очками Слепцов, на миг теряя терпение. – Вы понимаете, капитан? Надо!

– Хорошо, – сказал Роман. – Давайте поднимем все мои дела, посадим аналитиков и попробуем разобраться, кто мог стоять за Шпильманом. Хотя, как мне кажется, мы лишь напрасно уьем время.

– Аналитики уже работают, – сообщил Слепцов. – И над вашими делами, и над биографией Шпильмана. Возможно, обнаружится какое-то пересечение. А вы, Роман Евгеньевич, со своей стороны хорошенько подумайте и постарайтесь выделить какое-то определенное лицо. Или, как я говорил выше, группу лиц. Но только небольшую.

– Хорошо, Николай Викторович, подумаю, – пообещал Роман.

– Сколько вам потребуется?

– Ну, хотя бы день, а лучше два.

– Сутки у вас есть. Но не больше. Изложите ваши соображения письменно, в форме докладной записки. И, – голос Слепцова понизился, – я очень прошу: с указанием конкретных имен.

– Я понял, Николай Викторович, – кивнул Роман. – Сделаю.

– Очень на вас надеюсь, Роман Евгеньевич.

Тон Слепцова был до того просительным, что, казалось, он вот-вот присовокупит к просьбе скупую стариковскую слезу.

Грозный шеф был напуган до смерти.

«Ладно, – посочувствовал ему Роман, – будет тебе записка. Укажу, на свой страх и риск, пару имен, и неси начальству, показывай рвение. Кресло, может, и не сохранишь, но перспектива попасть под трибунал обойдет стороной – и то хорошо».

– Я могу идти, товарищ генерал?

– Да, Роман Евгеньевич, не буду вас задерживать, – поднялся Слепцов. – Приступайте к работе немедленно. Как вы понимаете, ситуация в ближайшие дни накалится до предела. Если мы не предоставим внятную версию случившегося, наш отдел может быть расформирован. Так что вся надежда на вас.

Собственно, судьба отдела Романа мало волновала. Он в нем так и не стал одним из ведущих специалистов в отличие от предыдущего отдела, где он служил под началом генерала Антонова, своего учителя и друга, ныне, увы, покойного. Слепцов Роману отнюдь не благоволил, напротив, использовал любую возможность, чтобы ткнуть носом в малейший промах и громогласно выразить свое недовольство. Что сейчас он стелется под ноги – так это от страха за свою шкуру. Формально на Романа никакой вины нет. Где-то кто-то сдал его кому-то за хорошие деньги. Такое иногда случается в работе спецагента, и вина, как правило, лежит на тех, кому он подчиняется. Поэтому Роман мог с чистой совестью послать Слепцова подальше, сквитавшись с ним тем самым за многие обиды.

Но мелочность была несвойственна натуре Романа Евгеньевича, да и бить лежачего не хотелось. Поэтому он пожал на прощание руку Слепцова, еще раз заверил его, что сделает все возможное, и удалился с приятным чувством превосходства.

– Ну, добился своего? – усмехнулся Дубинин.

– Ты о чем?

– Поставил начальство на колени?

– Ну что ты. Всего лишь узнал имя и отчество.

– Что узнал еще?

– Так, всякое разное...

Роман сел, закинув ногу на ногу. При создавшемся положении он имел право на некоторые вольности.

И попробуй хоть слово скажи.

Дубинин скептически посмотрел, но слово не сказал. Спросил только:

– Кого-нибудь подозреваешь?

– А как же, – отозвался Роман. – Человек сто, не меньше.

– Сто не пойдет, – серьезно заметил Дубинин.

– Да знаю, – с досадой отмахнулся Роман.

– Морозов.

– А?

– Ты хоть понимаешь, что произошло?

– Понимаю.

– Ну, так чего ты расселся?

– А что?

– Иди и работай.

– Иду, – сказал Роман, поднимаясь. – А премия за эту работу будет?

– Будет, – кивнул Дубинин. – Избавление от ареста и допроса с пристрастием.

– Это за что это меня допрашивать? – возмутился Роман.

– Вот и подумай заодно за что. Все, свободен.

Если бы не последние слова Дубинина, Роман вышел бы из Управления козырем. А так призадумался. Как бы оно того, прав не оказался подполковник. Если запахнет жареным, за него могут приняться как за одного из подозреваемых. В чем – не важно, выяснится позже. Во время допроса. А что такое допрос в Аквариуме – это не дай бог кому узнать. Душу вытряхнут точно, и хорошо, если дело не дойдет до физического воздействия. С них станется. Там работают такие виртуозы, что палачи Средневековья – мальчики по сравнению с ними.

Роман даже слегка вспотел от таких мыслей. Вот же гадский Дубинин, нашел нужные слова. Роману уже хотелось засесть за стол и перебрать по косточкам всю свою жизнь, чтобы вычислить заказчика и тем самым снять подозрения с себя, с отдела и со всего Управления. Может, он сам как-то назвал свой московский адрес во время очередного задания? Пытали его не раз, и пытали жестоко, а в беспамятстве чего не скажешь?

Все же он решил, что на сегодня с него работы хватит. И бок ныл, и голова туманилась, и вообще, хотелось отвлечься.

Ужин в ресторане, вопреки ожиданию, не порадовал и не отвлек. Роман все никак не мог успокоиться, из головы не шел разговор с Дубининым.

Проанализировав ситуацию, Роман решил, что до допросов с пристрастием дело не дойдет. Надо быть полным идиотом, чтобы, замечая следы, организовать покушение на себя со столь экзотическими, на потеху всему Управлению, последствиями.

Настораживало другое. А именно: инцидент действительно архинеприятный. Ну, ладно, на сей раз обошлось. Но где гарантия, что нападение не повторится? Некто заинтересован в гибели капитана Морозова настолько, что не поскупился на оплату услуг заграничного профессионала – а это уже серьезно. Кто поручится, что, узнав о провале операции, этот «некто» не пришлет следующего исполнителя, а за ним другого, третьего, и так до тех пор, пока его заказ не будет удовлетворен? Никто. А значит, отныне Роману суждено жить под дамокловым мечом покушения на протяжении неопределенного периода времени, возможно, до конца своих дней.

Осознав все это, Роман невольно передернул плечами. Хорошенькое дельце! Живи и бойся. Ладно на выезде, там это состояние – рабочее, нормальное и, что самое главное, четко регламентированное по времени. Отбыл свое, отбоялся, и все, домой, отдыхать и расслабляться. А при таком раскладе не расслабишься, не-ет. Того и гляди, скоро начнут палить из-за каждого угла. Узнав о гибели Шпильмана, заказчик может послать для верности сразу нескольких наемников. И от всех не отобьешься, даже голышом. Разве что затереться в какую-нибудь тьмутаракань и сидеть там, пока коллеги не раскопают каких-либо данных о заказчике? Но так просидеть можно долго, если не сказать, вечно. Главный свидетель погиб, и это автоматически ставило следствие в тупик. Ну, есть там кое-что из прошлого Шпильмана-Рейке-Клюфта, но это все – труха, в которой вряд ли обнаружится что-нибудь стоящее.

Получалось, что Роман сам кровно заинтересован в том, чтобы поскорее определить заказчика. Только так он сможет обезопасить себя от последующих нападений и наладить прежнее течение своей внеслужебной жизни. Которой он весьма дорожил, надо сказать.

Но – попробуй определи. Людей, которым Роман успел насолить за время своей службы, было столько, что у него муравьями начинали разбегаться мозги, стоило ему взяться за отбор возможных кандидатов на заказчика.

Чтобы сосредоточиться и приступить к более-менее систематической работе, нужно было уединиться, отключиться от внешнего мира и погрузиться с головой в воспоминания. Возможно, что-то в каком-то эпизоде и натолкнет на правильную мысль. Но сосредоточиться Роману пока было трудно. И атмосфера ресторана к тому не располагала, и напряженный вид Светланы, подымающей на него глаза с выражением некоторой робости и ожидания.

Ожидала Светлана, понятное дело, объяснений. Тот тарарам, который устроил Роман в ее тихом учреждении, труп и наплыв людей в форме оставили неизгладимый след в ее сознании. Кем был до сегодняшнего дня Роман? Одним из клиентов, вежливым, обходительным бизнесменом, интересным мужчиной, с которым приятно провести вечер-другой. А тут оказалось, что это какой-то тайный агент, сорвиголова, который живет по своим законам и имеет очень серьезных врагов во внешнем мире. Света, конечно, видела шрамы у него на теле, но не придавала им особого значения. К тому же она была нелюбопытна – в рамках профессии, разумеется.

Но теперь, когда ее профессия осталась в стороне, она просто сгорала от любопытства. Худшее осталось позади, и теперь ей хотелось знать, откуда все же эти шрамы и какую секретную организацию представляет ее хмурый визави.

Огорчать Свету Роман не имел ни малейшего желания, к тому же ей хватило дневных неприятностей. Он видел, что она насторожена и ждет от него неких шагов, способных сгладить наметившиеся между ними и вполне понятные шероховатости.

Женщины обожают таинственность, но терпеть не могут неясность. Особенно в отношениях. Возможно, Света подозревала, что он как-то использует ее в своих целях. Следовало объясниться. Но заводить разговор в ресторане Роману не хотелось. К тому же сказывалась некоторая усталость.

Он посмотрел на Светлану. Она опустила голову и равнодушно водила пальчиком по краю бокала с белым вином. На танцующие пары она за весь вечер и глазом не повела, хотя обожала танцы и всяческие шумные развлечения.

– Светик, что ты скажешь на то, чтобы покончить с ужином и поехать ко мне? – спросил Роман, улыбаясь как можно мягче.

– Скажу, что и сама подумала о том же, – отозвалась Света. – Время не раннее, сегодня нам обоим досталось, так что...

Роман с благодарностью кивнул и подозвал официанта.

В машине он подумал, что не худо бы отвезти Свету домой и вернуться к себе, чтобы немедленно засесть за выявление негодяя-заказчика.

Но минутой позже решил, что, во-первых, это будет нехорошо по отношению к Светлане, поскольку хоть она и покинула ресторан по первой его просьбе, но о возвращении домой не заикалась. Во-вторых, нужно было все-таки ночь отдохнуть, то есть нормально выспаться, поскольку если он прямо сейчас впряжется в работу, то это может кончиться литрами кофе, бессонницей, неврозом и, как следствие, мозговым ступором. А это ему сейчас нужно было меньше всего. Поэтому первоначальное решение, как наиболее рациональное, осталось в силе, и Роман на судьбоносном перекрестке плавно свернул в сторону своего дома.

Дома он первым делом налил себе виски, включил музыку и постарался настроить мысли на фривольный лад, благо объект фривольности находился в непосредственной близости.

Но что-то в голове путалось и сбивалось, возвращаясь к событиям минувшего дня. Роман выпил одну порцию, налил вторую, поудобнее откинулся в кресле, мурлыча под любимую мелодию, но все равно не мог отделаться от судорожных ныряний в закоулки памяти, предпринимаемых помимо воли в надежде найти быстрое и спасительное решение.

«Надо накушаться в хлам и отключиться, – подумал он. – Света, конечно, обидится, хорош кавалер. Но иначе сна мне не видать».

Тут в дверях возникло белое видение. Роман моргнул, слепо брякнул стаканом о журнальный столик...

Света в белом халатике, который едва прикрывал ажурные резинки чулок, в белой крошечной наколке с изящным красным крестиком вышла из ванной, в которую она удалилась сразу по приезде, и предстала во всей красе, упираясь руками в косяки и призывно покачивая бедрами.

– Врача вызывали, больной? – спросил она, пристально глядя в глаза Роману.

– Да-а... – медленно кивнул тот, разглядывая ее туалет и чувствуя, как знакомая томная вибрация возникает внизу живота.

Он совсем забыл о своей просьбе! А Света, вишь, не забыла. Какая внимательная женщина.

Роман огладил взором ее длинные лодыжки и тут же вспомнил свои дневные фантазии. Это вызвало такой прилив желаний, что у него онемели кончики пальцев и пересохли губы.

– Иди ко мне, – сказал он хрипло.

Света, глядя все так же пристально, от чего Роман начал тихо сомлевать, двинулась на него, выставляя узкие коленки и неторопливо отстукивая каблуками по паркету.

Роман было потянулся к ней, но Света властным жестом отстранила его и указала на тахту.

– Ложитесь, больной.

Роман перетащился на тахту, растянулся навзничь, не отрывая глаз от пунцовых губ Светланы. Мышцы его гудели, точно под током, беспокойные мысли куда-то улетучились, оставив восхитительную пустоту под черепной коробкой.

Света поставила колено на край тахты, подалась вперед, выгибаясь в талии. Полы халатика разошлись, открывая внутреннюю матовую поверхность бедра и атласную полоску круто загибающейся ткани. Роман машинально протянул руку, но Света руку перехватила, не давая до себя дотронуться, и начала медленно расстегивать ему брюки, медлительностью этой доводя Романа до иступления. Он уже ни о чем не думал, вздрагивая от каждого ее прикосновения и слыша в ушах бешеный ток крови.

– Спокойнее, больной, – приговаривала Света, – все будет хорошо...

Шикнула расстегиваемая «молния». Света вдруг оседлала ноги Романа и развела углы брюк, поглаживая живот над верхним краем трусов и слегка запуская в них чуткие пальцы.

Роман чувствовал, как живот его сокращается короткими толчками, и тихо застонал от нетерпения.

– Света, – прохрипел он, дотягиваясь ищущими ладонями до ее бедер и сдавливая их сильно и нежно. – Дай, я...

– Чш... – прошептала она.

Какое-то время она лишь поглаживала его, вводя в состояние, близкое к каталептическому. Затем низко согнулась над ним, немного повозилась с деталями одежды, устроилась поудобнее – и Роман окончательно забыл обо всем на свете.

Спустя час он спал сном младенца, и белокурая головка гостьи доверчиво покоилась на его плече.

3 мая, Восточный Афганистан

Колонна медленно продвигалась по горной дороге. Состояла она из пяти машин. Первым шел легкий танк «Скорпион». За ним катил БМП «Уорриор». Замыкали колонну два бронетранспортера. Вся эта механическая мощь должна была оберегать два заключенных в середине колонны грузовых фургона, окрашенных в стандартный зеленый цвет.

Дорога тянулась по ущелью. С одной стороны – отвесная скала, с другой – глубокий овраг с бегущей по дну речкой. За оврагом подымался горный кряж.

Недавно тут прошли вертолеты, прочесали опасный участок со всей возможной тщательностью. Колонне было сообщено, что ущелье чистое, можно ехать спокойно. Но полного спокойствия в этих краях ожидать не приходилось, и стрелки боевых машин смотрели по сторонам с неослабевающим вниманием.

За рулем первого автофургона сидел широкоплечий молодой мужчина с форме рядового вооруженных сил Великобритании. Он то и дело поглядывал на хмурого тощего лейтенанта, сидевшего рядом с ним в качестве сопровождающего, и чему-то неопределенно улыбался. Видно было, что у рядового отличное настроение, несмотря на жару и бьющее в глаза солнце. Его так и подмывало поболтать, но хмурость лейтенанта, обремененного возложенной на него миссией, к тому слабо располагала.

– Через два часа будем на базе, сэр, – сказал тем не менее рядовой.

Казалось, его радовал самый звук его голоса.

– Хорошо бы, Донован, – серьезно заметил лейтенант.

– А вы сомневаетесь, сэр? – засмеялся Донован.

На его тугих щеках обозначились ямочки природного жизнелюба. Создавалось впечатление, что ему и дела не было до зловещего пейзажа, их окружающего, и до этой грозной техники, плотно опекающей его фургон.

– Я вам так скажу, сэр, – продолжал Донован, не дождавшись ответа. – Тут лучше не думать о плохом. Местечко, конечно, гнусное, что и говорить. Но я уже скоро два года, как тяну здесь лямку, и могу точно сказать: можно и здесь жить. Главное, не забивать себе голову тем, что случится с тобой через минуту, и все с божьей помощью будет хорошо.

Лейтенант только уныло покачал головой на эту тираду и покрепче ухватился за поручень.

– Вы тут недавно, сэр? – спросил Донован, поворачивая вслед за БМП за скальный выступ.

– Недавно, – коротко отозвался лейтенант.

– Ничего, обвыкнетесь. Я поначалу тоже всего боялся, а потом отошло. Лучше думать о чем-нибудь приятном. О семье, например, об отпуске... Я вот был десять месяцев назад в отпуске и так здорово провел время у себя в Йорке. Вы сами откуда, сэр?

– Из Ливерпуля.

– Говорят, красивый город.

– Ничего, – кисло улыбнулся лейтенант.

– Но наш Йорк тоже отличный городок. У меня там жена. Красавица. Джулией зовут. Мы с ней здорово побаловались весь мой отпуск. И что вы думаете? Месяц назад она родила мне сынишку.

– Поздравляю.

– Спасибо, сэр. Она у меня молодец, моя Джулия. Знала, чем порадовать солдата. Парень получился, что надо. Настоящий богатырь. Да у меня фотография при себе, не хотите взглянуть?

– Отчего же.

Донован начал рыться в кармане, на миг оторвав глаза от дороги.

И тут мощнейший взрыв сотряс окрестности. Идущий первым «Скорпион» встал на дыбы, подброшенный столбом огня и дыма, повалился набок.

– О, господи! – крикнул Донован, едва успев нажать тормоз и предотвратить столкновение с БМП.

Мирный горный кряж по ту сторону реки внезапно ошетинился стреляющими из десятков стволов бойцами. Засев среди камней, они вели кинжальный огонь по остановившейся колонне.

Завалившийся набок и уже чадающий жирным дымом «Скорпион» перекрыл дорогу вперед. Из гранатометов был подбит задний бронетранспортер, и колонна оказалось зажатой в тисках на коротком, простреливаемом губительным огнем отрезке.

Из БМП сыпанули спецназовцы, но многие тут же падали под автоматными очередями. Кое-кто пытался отстреливаться, прячась за броню, но это были жалкие потуги.

Огонь со стороны кряжа усиливался. Взорвался бронетранспортер, следовавший за фургонами. Подпрыгнул и запылал БМП. Спецназовцы пытались отстреливаться, но их безжалостно и методично уничтожали.

Донован оторвал руки от баранки, полез было наружу, но затем передумал. Ему показалось, что, пока он находится в своей машине, он в безопасности. Ведь по ней пока не было произведено ни одного выстрела из гранатомета.

Расширенными глазами он смотрел через лобовое стекло перед собой. Прошло всего минуты три от начала атаки, а все изменилось неузнаваемо. Горящая техника, казавшаяся совсем недавно несокрушимой, трупы бойцов, оглушительная пальба и взрывы.

Донован перевел взгляд на лейтенанта. Тот слегка откинулся назад, словно бы задремав, по его подбородку стекали капли крови. В боковом стекле виднелась аккуратная круглая дырочка, окруженная сетью мелких трещин. Случайная пуля нашла свою жертву.

Вскоре все было кончено. Последний защитник, вышедший из-за БМП с поднятыми руками, рухнул на землю, сраженный длинной очередью. Со стороны кряжа быстро сбегали проворные силуэты в просторных одеждах. Они с маху перескакивали мелкую речку и карабкались на дорогу.

Вот несколько человек обступили фургон Донована, что-то оживленно обсуждая на своем языке.

Другие добивали раненых, стаскивали со всех сторон трофеи. Доновану казалось, что все это кошмарный сон. Как зачарованный, смотрел он на обросшее бородой по самые глаза лицо одного из нападавших.

– Выходить! – крикнули ему, махнув рукой.

Он вздрогнул, вжался в сиденье. В него почему-то пока не стреляли.

Должно быть, догадался он, опасались повредить груз, который лежал за его спиной.

А если он выйдет, что будет тогда?

– Быстро! – закричали ему, угрожая автоматом.

Внезапно что-то вспомнив, Донован вытащил из нагрудного кармана бумажник, раскрыл его и, выставив перед собой, открыл дверцу.

– Сын, – заговорил он, слезая на землю. – Сын...

Он сделал несколько неверных шагов, вытягивая руку с раскрытым бумажником к бородам, страшным лицам. По щекам его заструились слезы.

– Это сын, – лепетал он в последней надежде. – Мой сын, Дэвид. А это жена, Джулия...

Сухо прогремел автомат, черный дымок растворился в жарком воздухе. Обутая в кроссовку нога переступила через упавшее тело, жесткая рука вырвала бумажник из сжавшихся в агонии пальцев. Более до рядового Генри Донована никому не было дела.

Ближний Восток, частный дом

Светловолосый молодой мужчина лежал в тени навеса на мягких циновках. Перед ним стоял низенький столик с фруктами и сладостями. Чашечка с кофе только что опустела, и мужчина с улыбкой хлопнул в ладоши.

Тотчас из дверей дома вышла девушка, закутанная в легкую сиреневую чадру. Двор со всех сторон окружали высокие кирпичные стены, поэтому лицо девушки оставалось открытым. Оно было очень милостивым, черноглазое, с изящным носиком и пухлыми розовыми губами. Фигура тоненькая, гибкая, кисти рук и ступни совсем крошечные.

Она подошла к навесу и почтительно поклонилась.

– Чего желает господин?

– Принеси еще кофе, Лейла.

Глаза красавицы блеснули.

– Господин пьет очень много кофе, – сказала она, забирая пустой кофейник. – Это может сказаться на его здоровье.

– Ты так заботишься о моем здоровье, Лейла?

– Мы все о вас заботимся, господин. Разве вы этого не замечаете?

– Замечаю, – улыбнулся светловолосый мужчина. – Очень хорошо замечаю.

Он накрыл ее крошечную руку своей рукой, поросшей по тыльной стороне кисти рыжеватыми волосками, нежно сжал.

Лейла потупилась, ласково высвободила руку.

– Днем этого лучше не делать, господин, – сказала она негромко.

Рука мужчины разжалась. Лейла взяла поднос и быстро ушла.

Какое-то время мужчина лежал, задумавшись и глядя на ярко-синее небо над стеной ограды. Затем поднялся, повел сильными плечами, прошелся взад-вперед по дворику, мощенному узорчатой плиткой. Поступь его была упругой, в ней ощущалось нечто кошачье. Казалось, его что-то тревожит, и он с трудом сдерживает свои эмоции.

Зазвонил телефон. Мужчина вернулся под навес, взял трубку, бросил взгляд на дисплей.

– Я слушаю.

Какое время он молча слушал, затем лицо его словно разгладилось.

– Хорошо, – сказал он. – Отличная работа. Пускай товар остается у вас. На днях я сообщу, кто и когда его заберет.

Дав отбой, он заложил руку с телефоном за спину и снова прошелся по двору. Теперь он что-то насвистывал, время от времени мимолетно улыбаясь. Состоявшийся разговор, несмотря на свою краткость, явно улучшил его настроение.

Вернулась Лейла, поставила на столик полный кофейник и чистую чашечку.

– Лейла, – сказал мужчина, опускаясь на циновку перед столиком, – я подарю тебе золотое ожерелье.

– Вы очень щедры, господин, – сказала Лейла, наливая кофе.

– Приходи сегодня после заката в мою комнату. Я буду ждать тебя с подарком.

– Хорошо, господин.

Нежная щека Лейлы порозовела, тонкие пальчики сильнее сжали изогнутую ручку кофейника.

Мужчина почувствовал, что им овладевает вождление. Но он умел сдерживаться.

«Вечером, – сказал он себе. – Это – вечером».

– Господин, мой брат может запретить мне приходить к вам, – сказала девушка, выпрямляясь. – Он говорит, что вы недостаточно ему заплатили.

Мужчина улыбнулся.

– Не бойся, Лейла. Я поговорю с твоим братом. Думаю, мы все уладим.

– Хорошо, господин.

Лейла поклонилась и ушла, плавно покачивая бедрами. Мужчина отхлебнул кофе, закурил и взялся за телефон.

Набрав номер, он долго ждал ответа. Наконец, на том конце подняли трубку.

– Все в порядке, – четко сказал на английском языке мужчина.

Больше он не произнес ни слова и сразу же дал отбой. Видимо, его абонент в подробных объяснениях не нуждался.

14 мая, 10.30, Москва

Планы Романа были нарушены с утра звонком Дубинина. Тот приказал явиться в Управление для получения задания и, не вдаваясь в подробности, повесил трубку.

Ломая голову, какого рода задание его может ждать после очередной волны немилости со стороны Слепцова, Роман все намеченные планы сместил и начал собираться в дорогу.

На всякий случай позвонил Свете, сказал, что вечером, возможно, его не будет. И в ближайшие несколько дней тоже. Впрочем, об этом он сообщит дополнительно.

Света все понимала с полуслова и кротко отвечала, что ничего, она подождет. Роман в который раз подивился ее сговорчивости и на всякий случай попрощался с ней как бы и навсегда.

С того мартовского суматошного дня они со Светой не расставались. Как-то так получилось, что их повторное близкое знакомство переросло в нечто большее, чем банальная, крепко замешенная на сексе дружба двух одиноких людей. Света не обременяла его ни чрезмерной женской опекой, ни требованиями вечной любви, ни хитроумными комбинациями по выуживанию денег, ни дальними намеками на регистрацию брака. Просто приходила, когда он просил, составляла компанию в ресторане, оставалась на ночь, поутру что-нибудь готовила несложное, но до стирки-уборки не снисходила и вообще держала дистанцию, вполне устраивающую их обоих.

Но когда Света в один из звонков Романа вдруг отказалась приехать, сославшись на какую-то важную встречу, он вдруг заволновался и заревновал, что заставило его задуматься над возможными вариантами развития их отношений.

Терять ее ему не хотелось, уж больно удобной она казалось партнершей. С другой стороны, привычка, пусть даже и полезная, имеет способность превращаться в потребность, если не сказать в зависимость, а это уже настораживало и внушало опасения.

Важная встреча оказалась невинным девичником, что несколько развеяло опасения Романа. Однако он понял, что теряет контроль над ситуацией, то есть над собой, а этого он допустить уж никак не мог, несмотря на заманчивую перспективу заполучить на веки вечные прекрасного массажиста и изобретательную любовницу.

Решил так: пусть пока все идет, как идет, а для профилактики привычки, дающей метастазы ревности и зависимости, не мешает иногда делать то, что делал всегда. То есть время от времени проводить досуг в альтернативном женском обществе. Так и расстояние нужное сохранишь, и себя застрахуешь от вспышек, смешных для его лет и опыта чувств. А начнет Света испытывать отношения на прочность, что ж, разрыв пройдет безболезненно и просто. Во всяком случае, для него.

Подъезжая к Управлению, Роман напустил на себя серьезность. Что-то ждет его там, в казенном доме? Дальняя дорога – точно, а вот что к ней? Терем золотой – вряд ли, красавица жена – даром не нужно, а вот какая-нибудь пакость припасена у Слепцова точно.

После мартовского покушения Роман составил для убитого горем шефа подробную докладную записку, где указал наиболее подозрительных, с его точки зрения, субъектов, которые не поскупились бы ради того, чтобы увидеть капитана Морозова мертвым. Шеф запиской остался не очень доволен, потому что как Роман список ни сужал, все равно набралось шесть человек. Но все-таки начальству Слепцов доложил и беду от себя и от своего отдела отвел. Его оставили в покое, и далее включились в дело механизмы защиты.

Во-первых, все агенты были предупреждены о вероятности нападения. Как говорится, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. А агенты – люди взрослые, кое-чему обученные, так что постоять за себя сумеют. Во-вторых, особой группе было поручено проверить,

не связаны ли люди из списка Романа со Шпильманом. В-третьих, за Романом больше месяца таскалась наружка, неимоверно портя ему жизнь.

В итоге подозрительные лица обнаружены не были, зато сам Роман оказался на подозрении у мстительного Слепцова. Воспрявший духом шеф решил, что Роман что-то от него скрыл, а именно ту самую свою причастность к местным разборкам. Все указывало на то, что капитан Морозов, завсегдатай казино и темный биржевой делец, все-таки куда-то вляпался и, как следствие, едва не поплатился за это жизнью.

И напрасно Морозов пытался убедить, что наемник из Германии – слишком дорогое удовольствие. Не дороже, чем местные. А стрелку со стороны легче замести следы. Укатил домой – и нет его, как не было. Так что пусть Морозов не виляет. Рыльце в пушку, и сомнений нет. Кому, как не Слепцову, изучившему этого разгильдяя со всех сторон, знать, где собака зарыта?

Все это Роман узнал от Дубинина с месяц назад, когда позвонил в Контору, чтобы узнать, как дела и почему Николай Викторович не вызывает его для вынесения благодарности и угощения кофе с коньяком.

Дубинин сказал для начала, что лучше имя-отчество шефа Роману забыть, как будто он их никогда и не знал, и далее присовокупил остальное.

Роман не был удивлен таким поворотом, ибо изучил шефа ничуть не хуже, чем тот его. Теперь, когда гроза миновала, Слепцов ему, конечно, припомнит и свой страх, и умоляющий тон, и собачье заглядывание в глаза. Наверху, правда, он свои соображения не излагал, пусть там ищут, возможно, что-то и найдут. Но уже у себя в кабинете, в окружении родных стен, он спуска не даст. Тут уж будьте-нате, а он свое возьмет.

Роман чинно зашел в приемную, вытянулся у порога.

– Разрешите, товарищ подполковник?

Дубинин оглядел его серый поношенный костюмчик, надетый специально для такого случая, сиротский галстук, ботинки фабрики «Скороход», усмехнулся:

– Можешь, когда захочешь. Дверь закрой.

Морозов закрыл дверь, сел на стул, указанный кивком головы Дубинина.

– Че там? – спросил Роман, глянув на дверь шефа.

– Ничего хорошего, – отозвался Дубинин.

– Совсем?

– Ну почему – совсем. Хорошее всегда можно найти, стоит только посильней напрячься.

– И как сильно придется напрягаться? – гнул свое Роман.

Дубинин снова усмехнулся.

– Скажи мне, Морозов, по секрету.

– Ну?

– По дружбе, так сказать.

– Ну, давай, спрашивай! Отвечу как на духу.

– Ты вот почему сразу не признался, что на тебя ополчился кто-то из наших?

– И ты, Брут? – печально спросил Роман.

– Но по всему выходит, что это так, – развел руками Дубинин.

– По какому – всему?

– Да по всему! И та отписка, что ты составил, это просто филькина грамота, для отвода глаз. Разве нет?

– А черт его знает, – устало сказал Роман.

Он понял, что доказать ничего не сможет, хоть ты тут тресни. К тому же он сам был ни в чем не уверен. Да, список он составил, но сам при этом прекрасно понимал, что с тем же успехом мог бы его и не составлять. Потому как из тех, кто хотел бы его убить лично, в живых он не оставил никого. Разве что ожил кто-то? Но тогда это совсем другая история.

– Ты бы, капитан, был поаккуратней, что ли, – почти сочувственно сказал Дубинин. – Все-таки не абы где служишь. Зачем следом за собой такие хвосты волочить? Когда-нибудь нарвешься.

– Ты полагаешь, подполковник, я нарочно?

– А кто тебя знает, – пожал плечами тот.

– Ну, ты даешь.

– Ошибаешься. Это ты у нас всегда даешь.

– В угол меня поставь, – огрызнулся Роман.

– Поставят без меня.

– Не сомневаюсь.

– Ты вот чего, – понизил голос Дубинин. – Говори поменьше, понял? Только кивай и молчи. Может, тогда старик и помягчает. А то может и взорваться. Сам понимаешь, досталось ему из-за тебя.

– Да почему – из-за меня?! – возмутился Роман.

– А из-за кого же? Из-за Шпильмана, что ли?

– Ладно, – поднялся Роман, – пойду я. Иди, доложи. Быстрее сяду, быстрее слезу.

– Ну-ну.

– Ты бы все же намекнул, куда меня.

– А чего тут намекать? На свою вторую родину поедешь.

– То есть... – Роман посмотрел недоумевающе.

Дубинин безмятежно улыбался.

– В Афган, что ли? – не поверил Морозов.

– Точно.

– Ну, блин...

– Тсс. Будь потише, Морозов, ради себя самого.

Дубинин заглянул в кабинет, доложил и пропустил Романа в дверь, чуть подтолкнув при входе.

Тот отпечатал три шага, гаркнул молодецки:

– Разрешите, товарищ генерал.

Решил, что все равно терять нечего, а лебезить перед Слепцовым распоследнее дело. К тому же Афган – это самый худший из всех вариантов, хуже этого только смерть, поэтому нет смысла «кивать и молчать». Лучше уж «помирать, так с музыкой».

– Проходите, капитан, – сказал Слепцов. – Садитесь.

Особой враждебности в его голосе Морозов не уловил. Но сел к столу, не расслабляясь и не отводя глаз от золотой оправы очков.

– Вы как, в форме? – поинтересовался Слепцов.

– Как всегда, товарищ генерал, – отозвался Роман.

– Как я должен понимать ваш ответ?

В голосе начальника отдела заворочалось раздражение, которое он пока всеми силами сдерживал.

– Так точно, в форме, товарищ генерал, – отчеканил Роман, вспомнив наставления Дубинина.

– К выполнению задания готовы?

– Готов, товарищ генерал.

– Хорошо.

Слепцов побарабанил пальцами по столу, разглядывая Морозова так, словно видел его впервые.

«Прикидывает, стоит или не стоит давать мне втык», – подумал Роман.

Похоже, Слепцов решил – не стоит. Поднялся, прошелся туда-сюда по кабинету, успокаивая нервы. В самом деле, зачем из-за всякого капитана мотать свое драгоценное генеральское здоровье. Оно пригодится для более высоких целей.

– Вы ведь знакомы с генералом Фахимом, капитан? – спросил, вновь устраиваясь за столом, Слепцов.

Роман вообще соображал быстро, но сейчас он не видел смысла опережать события.

– Никак нет, незнаком, товарищ генерал.

– То есть? – поднял брови тот.

Роман лишь пожал плечами в ответ.

– В вашем деле сказано, что во время службы в Афганистане вы имели дружеские отношения с Фахимом Сафи, офицером армии ДРА...

– А, Фахимджан, – протянул Роман с улыбкой. – Так бы сразу и сказали, товарищ генерал.

– Что за тон, капитан? – процедил сквозь зубы Слепцов.

– А что, Николай Викторович?

Бес ли какой дернул Романа за язык, или из врожденного озорства захотелось подразнить начальство, но только он первый полез на рожон.

И тут же нарвался.

– Немедленно прекратите! – заорал вдруг полным голосом Слепцов. – Встать!

– Вообще-то, – заметил Роман, неторопливо подымаясь, – я в гражданской одежде, и по уставу вы не имеете права...

– Молчать! – как молоденький, подскочил к нему Слепцов и затряс пальцем перед носом. – Это вы не имеете права находиться в рядах нашей службы! И очень хорошо, что на вас гражданская одежда, потому что вы недостойны носить офицерский китель.

Обычно желтоватое лицо его приобрело свекольный оттенок, глазные яблоки выкатились и, казалось, прилипли к стеклам очков.

Роман испугался. Сейчас шефа хватит кондратий, а свалят все на него. И поди потом докажи, что ты не верблюд, особенно после всего, что было. Вредитель, как есть вредитель.

– Мальчишка! – рычал Слепцов. – В отделе всего три года, а проблем от вас – как от десятка оболтусов-новобранцев. Гнать надо таких в шею!

Язык чесался ответить, но Морозов, смахнув пальцем брызги со скулы, промолчал. Не помер дед, и то хорошо.

Слепцов посопел, моргнул, отошел в сторону.

– Садитесь, – буркнул как ни в чем не бывало.

Роман сел. Достал сигареты, но, подумав, сунул их обратно в карман.

– Курите, – махнул рукой Слепцов, стукнув перед ним хрустальной пепельницей.

Морозов закурил, пуская дым тонкой струйкой.

– Не как ваш начальник, а как старший товарищ, – сказал Слепцов. – Или вы будете вести себя, как положено офицеру, или я приложу все свои силы, чтобы вас уволили. Или перевели в другой отдел.

– Ничего не имею против, Николай Викторович, – отозвался Роман.

– Кто бы сомневался, – вздохнул Слепцов.

Они помолчали. Морозов курил, генерал задумчиво барабанил пальцами по столу.

– Ладно, к делу. Итак, вы знакомы с Фахимом Сафи.

– Так точно, знаком, товарищ генерал. Только я не знал, что он уже генерал.

– Да, генерал. У талибов.

– Вот как? – улыбнулся Роман.

– Именно так, – отрезал Слепцов. – Вопрос: вы случайно с ним связь не поддерживаете?

– Нет, товарищ генерал, не поддерживаю.

– Плохо.

– А что, понадобился Фахим?

– Понадобился.

– Я думаю, связь можно возобновить. Прошло всего каких-то двадцать лет. Для восточного человека это не срок. Только вот...

– Что?

– Какие у нас интересы к генералу Фахиму?

– У нас пока никаких. Но вот господа из НАТО в нем очень заинтересованы.

– Мы стали помогать господам из НАТО?

– Ну, помощь бывает разного рода, – уклончиво заметил Слепцов. – А в этом деле суть такова. Две недели назад, во время налета на колонну англичан в Афганистане, талибами была похищена крупная партия оружия. Имеются сведения, что это дело рук отряда генерала Фахима. Англичане хотели вернуть оружие, даже за крупный выкуп. Но Фахим на контакт не идет. Англичанам нужен человек, с которым генерал Фахим станет вести переговоры. Запросили помощи у нас. Ситуация ясна?

– Более чем, – кивнул Морозов. – Только вот странно: чего это англичане подняли такую бучу из-за партии оружия? Там этого добра – завались.

– Ага! – поднял палец Слепцов. – Соображаете?

– А чего тут соображать, товарищ генерал? Небось, тяпнули духи не просто автоматы-пулеметы, а какую-нибудь секретную разработку, проходящую обкатку в боевых условиях. Вот и всполошились альбионцы, кинулись принимать экстренные меры.

– И мы того же мнения, – кивнул Слепцов, глянув на Романа несколько мягче. – Поэтому ваша задача: кроме прямой помощи англичанам установить, что именно они хотят получить обратно от генерала Фахима, как это работает и из чего оно сделано. Все понятно?

– Так точно, товарищ генерал.

– Хорошо, капитан. Здесь, – Слепцов перебрал Морозову папку, – инструкции. В чье распоряжение поступаете, как держать связь, ну и остальное. Детали согласуете с подполковником Дубининым.

– Есть, товарищ генерал.

– От себя добавлю одно пожелание. Если вдруг разработка англичан будет случайно уничтожена, вы лично не понесете за это никакого наказания. Очень вероятно, что наоборот... Вы меня поняли, капитан?

– Отлично понял, товарищ генерал.

– Тогда я вас больше не задерживаю. Надеюсь, что вы сделаете все, как надо.

– И я надеюсь, товарищ гене...

Слепцов дернул углом рта. Роман осекся, вскочил, прижал папку к бедру.

– Разрешите идти?

– Идите. И помните: действуете в одиночку, прикрытия нет. Желаю удачи.

«Иди ты», – мысленно огрызнулся Роман, выходя из кабинета.

16 мая, 11.00, Восточный Афганистан

Роман прибыл на эту базу под Кандагаром два часа назад. Добирался долго. Из Москвы – утомительный перелет в Узбекистан. Из Ташкента его доставили на авиабазу американских войск. Ночь продержали в наглухо запертом терминале, видимо, опасаясь, что русский начнет минировать бомбардировщики.

Утром, с рассветом, который наступал в этих краях в четыре часа утра, угостив кофейной бурдой и липким сэндвичем, сунули в транспортный самолет и отправили уже непосредственно в Афганистан. Но и там он не сразу добрался до места. Пришлось делать две пересадки, прежде чем он попал на базу вооруженных сил Великобритании.

Закончилось ли его путешествие, Роман толком не понял. Его привели в двухместную армейскую палатку и велели ждать. Как долго – не уточняли. Когда Роман вышел из палатки, у входа его встретил часовой, рослый капрал с засученными до локтя рукавами камуфляжной куртки. Он шагнул навстречу и поспешно щелкнул предохранителем автомата.

– Вернитесь в палатку, сэр, – сказал он вежливо.

Ствол автомата был красноречиво направлен Роману в грудь.

Роман пожал плечами и ретировался в прохладную – по сравнению с тем пеклом, что было снаружи – глубь палатки.

В самом деле, чего он там не видел? Огромный лагерь, обнесенный трехметровым железным забором с двумя рядами проволоки поверху. Внутри – палатки, модули, гаражи и несметное количество военной техники. Над головой то и дело проносятся вертолеты, подымая вихри пыли. Повсюду озабоченная суета одетых в военную форму людей.

В свое время Роман достаточно пожил в таком вот боевом стойбище, чтобы чему-то удивляться. Что стойбище было советским, а не английским, так это не имело никакого значения. Все военные базы по всему миру выглядят одинаково и различаются разве что названиями техники да климатическими условиями. А климатические условия данной местности Роману были настолько хорошо знакомы, что он предпочел бы никогда в них не возвращаться.

Однако же, увы, вернулся.

Ему принесли поесть. Типовой армейский набор. Мясо, рис, картофельный салат, ананасы, шоколад, какао, сок, витаминные добавки. Все упаковано в герметичные пластиковые контейнеры. Мясо, рис, какао мгновенно подогрелись при разгерметизации. По сравнению с русским аналогичным пайком довольно невкусно, но есть можно.

Роман плотно перекусил, доложил Дубинину и не нашел ничего лучшего, как завалился спать.

Часок соснул очень даже неплохо. Гул вертолетов перешел в разряд привычного шума и лишь способствовал крепкому сну. Однако, когда полог палатки откинулся, впусив полосу солнечного света, Роман открыл глаза, словно не спал вовсе. Рука хотела метнуться за оружием, и он едва успел ее удержать. Надо же, как действует обстановка.

В палатку вошли трое. Все в форме. Двое мужчин и женщина.

– Добрый день, – сказал один из них, в звании полковника.

– Добрый день, – кивнул Роман.

Двое других тоже сдержанно кивнули.

– Я – полковник Дэвис, начальник базы. Это капитаны Эдвардс и Гарди.

Женщина и мужчина капитаны поочередно наклонили головы и сунули Роману руки. У женщины ладонь была твердой и сухой, у мужчины – влажной, но цепкой.

– Капитан Морозов, – представился Роман.

– Мы знаем, – сказал без улыбки Дэвис.

Он присел на складной стул у стола. Жестом разрешил сесть остальным.

Роман и капитан Гарди сели на кровати, друг против друга. Капитан Эдвардс осталась стоять, почти незаметная на фоне пегих палаточных стен. Роман только мельком взглянул на нее, и больше она его не интересовала. Высокая, жилистая, загорелая, на лице – белесые отметины глаз и губ. Бровей будто вовсе нет. Принадлежность к женскому полу обозначалась лишь незначительным рельефом в районе бедер и груди. Но и его можно было списать на известную мешковатость полевой формы.

– Как добрались? – спросил полковник Дэвис.

– Спасибо, хорошо.

– Просим извинить, если в дороге вам были доставлены некоторые неудобства.

– Ничего, наша работа вообще – неудобная вещь.

– У вас прекрасный английский, капитан.

– Значит, два года учебы в Лондоне не прошли для меня даром.

Капитан Гарди едва заметно улыбнулся. Эдвардс была невозмутима. Впрочем, она была как бы не в счет. Эдакий истукан у входа.

Полковник Дэвис слегка прихлопнул себя по ляжкам.

– Ну что ж, можем начинать?

– Я готов, полковник.

Дэвис кивнул. На его круглом, цвета фуксии лице отобразилось удовлетворение. Русские прислали по крайней мере человека, владеющего английским на приличном уровне. Это уже кое-что.

– Вы в курсе нашей проблемы?

– В общих чертах.

– Второго мая отрядом талибов был захвачена колонна с оружием.

– Где это произошло? – немедленно спросил Роман.

– Карту, – глянул Дэвис на капитана Гарди.

Тот вскочил, достал из планшета карту, расстелил на столе.

– Вот здесь, – указал полковник точку севернее Кандагара.

– Понятно, – сказал Роман, взглянув на карту. – Что представляла собой колонна?

– Два грузовика с оружием и группа прикрытия.

– Кто-нибудь уцелел?

– Остались живы два человека. Один в тяжелом состоянии, он сейчас в госпитале. Второй был контужен и потерял сознание. Его приняли за мертвого. Сейчас он в порядке, проходит восстановительный курс.

– Его допросили?

– Разумеется.

– Что показал допрос?

– Классическое нападение духов. Фугас подорвал головную БМП, из гранатомета одновременно подбили заднюю. Далее из засады уничтожили остальных. Пока прибыли вертолеты, оружия в грузовиках уже не было.

– Быстро сработали.

– Весьма.

– Почему вертолеты не сопровождали колонну на всем пути следования?

Полковник переглянулся с капитаном Эдвардсом. Та лишь дернула бровями. Похоже, темп, в котором вел разговор Роман, несколько озадачил англичан.

Роман понял, что переигрывает. Называется, дорвался до работы. Надо чуть спокойнее. Не стоит вызывать у них чувство тревоги.

– Вертолеты прочесали территорию перед самым выходом колонны, – впервые подала голос капитан Эдвардс. – Ничего подозрительного обнаружено не было. Сопровождение

колонны вертолетами на всем пути следования сочли нецелесообразным. Это могло привлечь ненужное внимание.

– Понятно, – сказал Роман. – Вот теперь все понятно. Духи залегли среди камней, накрылись кошмами, их ни один вертолет не обнаружит. Дождались колонну и атаковали.

– Да, мы не раз сталкивались с этим приемом. Поэтому вертолеты шли на низкой высоте, медленно, по несколько раз прочесывая самые опасные участки. К тому же работали системы тепловизоров. Если бы бандиты были, как вы говорите, накрыты кошмами, мы бы их очень быстро обнаружили. Так что все меры безопасности были приняты.

– Нет, – покачал головой Роман. – Не все. Вот здесь, – он провел пальцем по карте, – идет русло пересохшей реки. Вдоль него тянется система кяризов, земляных колодцев. Пока ваши вертолеты прочесывали территорию, душманы отсиживались в кяризах. Когда же вертолеты ушли, они вышли из кяризов, добежали до ущелья – видите, здесь до него всего-то с километр, – заняли позиции и напали на колонну. А фугас был установлен заранее, его вертолеты все равно не смогли бы обнаружить.

Англичане снова переглянулись.

– Вы так хорошо знаете эти места? – спросил полковник Дэвис.

– Да, хорошо, – коротко ответил Роман.

Полковник замолчал.

Замолчал и Роман, ожидая, когда англичане начнут делиться своими соображениями.

Ожидал долго и даже соскучился.

– О кяризах мы не подумали, – сказала наконец капитан Эдвардс.

Голос у нее был жесткий, отрывистый. Произнося слова, она прямо смотрела в глаза собеседнику. Сейчас ее взгляд был направлен на полковника Дэвиса.

– Подумали, не подумали, – вдруг раздраженно сказал тот. – Какая теперь разница?

Все снова замолчали.

– Да, теперь это неважно, – негромко вставил Роман. – Груз потерян, и надо думать, как его вернуть. Ведь для этого, если я не ошибаюсь, я был сюда вызван?

– Именно так, капитан, для этого, – подтвердил Дэвис.

Он посмотрел на капитана Эдвардс.

«Эге, – смекнул Роман, – а дивчина тут, похоже, главная по грузу».

– Наши попытки вернуть оружие потерпели неудачу, – доложила Эдвардс. – Мы пытались через посредников связаться с генералом Фахимом. Это один из полевых командиров, люди которого напали на колонну. Но генерал Фахим отказался идти на контакт. Его даже не заинтересовала приличная сумма, которую мы обещали ему в обмен на похищенное оружие.

Роман поскреб затылок, отводя глаза в дальний угол палатки. Надо сказать, что прямой, как гвоздь, взгляд капитана Эдвардс изрядно раздражал его. Наверное, стреляет она порядочно, подумал он некстати.

– Откуда такая уверенность, что оружие отбил именно генерал Фахим?

– У нас есть перебежчик. Он показал, что нападение совершили люди Фахима.

– Как фамилия Фахима?

– Сафи, – сообщил полковник Дэвис. – Вам это о чем-то говорит?

– Если это не однофамилец, то когда-то мы с ним бок о бок сражались с душманами. Хотелось бы взглянуть на его фотографию.

Капитан Гарди покосился на Дэвиса. Тот кивнул. Гарди достал из планшета пачку фотографий и передал Роману.

Роман принялся медленно перебирать фотографии.

Сухощавый, красивый человек с небольшой черной, с проседью бородкой красовался на всех снимках.

Вот он в окружении заросших по самые глаза моджахедов, вздымающих автоматы и грозно скалящих зубы. Позади – скалистые, морщинистые горы, серые, мрачные. Настоящее прибежище бандитов, как испокон веку думают об этих горах так называемые цивилизованные нации.

Вот он – среди зелени леса, у костра, на котором жарится шашлык. Рядом – добрые друзья, соратники, боевые товарищи. Сколько голов отрезал каждый из этих соратников – это отдельный вопрос.

Вот он в открытом джипе, улыбочивый, добродушный. Одет щегольски: белая сорочка, расшитая жилетка, белая шапочка. Глаза горят, как у молодого.

Вот – снова на одном из привалов, на узорчатом ковре, пьет чай, шурит насмешливые глаза.

«Ну, здравствуй, Фахимджан, – сказал про себя Роман. – Рад тебя видеть живым и здоровым».

Англичане внимательно наблюдали за выражением его лица. Равнодушная с виду Эдвардс так и впилась ему в переносицу.

– Что скажете, капитан? – не выдержал Дэвис.

– Это он, – лаконично ответил Роман, возвращая снимки капитану Гарди.

– То есть вы знакомы с этим человеком?

– Я был знаком с этим человеком, – уточнил Роман. – Но с тех пор минуло двадцать лет.

Не знаю, захочет ли он возобновлять знакомство.

– Но попытку вы сделаете?

– Обязательно.

Дэвис коротко кивнул. Бесстрастное лицо капитана Эдвардс словно бы чуть ожило. Капитан же Гарди был занят тем, что тщательно укладывал снимки и карту в планшет. Но Роман и так понял, что в этой троице он играет незначительную роль.

Впрочем, выводы было делать рановато.

– Что еще предпринималось вами, чтобы вернуть груз? – спросил Роман.

– На место дислокации отряда генерала Фахима была послана ударная группа. Но нам не удалось застать его на месте, – чуть смущенно закончила Эдвардс.

– Ну, это понятно.

– Да? – сейчас же вскинулся Дэвис. – Почему?

– Как давно вы в Афганистане, полковник? – глянул на него Роман.

– Признаться, не очень. Третий месяц.

– Да, не очень, – согласился Роман. – Прослужи вы подольше, вы бы знали, что горы здесь умеют говорить. Иными словами, еще до того, как ваша ударная группа начала приближаться к отряду Фахима, его уже и след простыл.

– Вы хотите сказать, что его кто-то предупредил? – вмешалась Эдвардс.

– Именно это я и хочу сказать.

– Но кто мог это сделать?!

– Тот, кто рассказал Фахиму о колонне с оружием.

– Если я правильно вас понял, – насторожился полковник Дэвис, – вы хотите сказать, что у нас на базе есть предатель?

– Необязательно на базе, – вздохнул Роман. – Есть еще оперативный штаб, который также согласуется с генеральным штабом у вас на родине. Кроме того, вы так или иначе координируете ваши действия с вашим главным союзником, и утечка могла произойти оттуда.

– Вы говорите об американцах? – уточнила Эдвардс.

– Точно, капитан, о них самых.

– Но тогда получается, что предатель может оказаться где угодно, – сделал глубокомысленный вывод Гарди.

- Да, получается, – подтвердил Роман. – Хотя, может статься, никакого предателя и нет.
– То есть? – набычился полковник Дэвис. – Вы могли бы, капитан, выразаться яснее.

День за стенами палатки раскалялся до шестидесяти градусов по Цельсию. В палатке стояла примерно такая же температура, как в бане, когда кинут первые ковши воды на побелевшую от жара каменку. Разве что пара не было, но и без него краснолицый полковник чувствовал себя неважно. Хотя крепился, как мог, и даже на стол старался не облокачиваться.

«Ему бы валидольчику, бедняге, – посочувствовал Роман, – и в модуль, на кроватку, под холодную струю кондиционера».

– Я же вам толкую, полковник, – терпеливо сказал Роман в напряженные, пронизанные жилками сосудов глаза Дэвиса. – Горы умеют разговаривать. Это не метафора, это местная особенность. И ее хочешь – не хочешь, надо учитывать.

– У вас есть конкретное предложение, капитан? – спросила Эдвардс, выручая полковника, который не знал, что и сказать этому русскому нахалу с его «говорящими горами».

– Пока нет, – улыбнулся Роман. – Но, думаю, ближе к вечеру появится. Для начала не мешало бы осмотреться.

– Каким образом вы хотите это сделать? – осведомился полковник. – Если вам нужен свободный проход по территории базы, я немедленно распоряжусь, чтобы вас не задерживали. Впрочем, капитан Эдвардс будет вас сопровождать.

– База меня мало интересует, – сказал Роман. – Для того, чтобы ее осмотреть, достаточно десяти минут. Я имел в виду другое.

– Что же?

– Я хочу съездить на место нападения на колонну.

– Для чего вам осматривать место нападения? – резко спросил полковник.

– Есть кой-какие соображения, надо их проверить. А что, с этим какие-то проблемы?

– Нет, но... Это далеко отсюда, хорошо, если к вечеру успеете обернуться.

– Мы успеем, – заверил Дэвиса Роман. – Если не будем тянуть время, мое и ваше. Прежде, чем выходить на Фахима, я должен иметь определенную информацию. Для ее сбора мне требуется совершить ряд действий. В том числе и побывать на месте нападения на колонну.

– Понятно, – кивнул полковник. – Вы готовы ехать прямо сейчас?

– Совершенно верно.

– Тогда я распоряжусь насчет транспорта и группы сопровождения.

– А вот этого не надо, – покачал головой Роман. – Хватит одной БМП. Чтобы не привлекать лишнего внимания. Лучше всего, конечно, было бы поехать на обычном джипе. Но в ущелье мы задержимся, и это может оказаться опасным.

– Мы никогда не передвигаемся одной машиной, – сказал нервно капитан Гарди. – Вы, видно, давно здесь не были и все успели забыть.

– Я все отлично помню, – отрезал Роман. – Однако настаиваю на том, чтобы машина была одна.

– Наверное, капитан Морозовф знает, что делает, – сказала Эдвардс.

Ее слово оказалось решающим.

– Хорошо, – кивнул полковник Дэвис. – Одна так одна. Эдвардс, позаботьтесь об экипировке гостя. Я – насчет транспорта. Гарди, за мной.

Когда Дэвис и Гарди вышли, Эдвардс, по-прежнему держась у входа, спросила:

– Вы в какой одежде предпочитаете работать? В своей? Или вам предоставить нашу армейскую форму?

– Я предпочел бы форму. В своей, знаете ли, не очень удобно лазать по камням.

Эдвардс криво улыбнулась.

– Хорошо. Следуйте за мной.

Роман захватил сигареты и вышел из палатки.

Солнце стояло высоко в безоблачном небе. Жар поднимался снизу и разносился пыльными душными волнами. Белые стены гаражей плавилась и оседали в мареве. Конические вершины гор, окружавшие базу, казались нарисованными желтой акварелью. Вокруг – ни намека на зеленый цвет. Хоть бы травинка где.

– Милое местечко, – закуривая, сказал Роман.

– Следуйте за мной, – приказала Эдвардс.

Они прошли вдоль ряда жилых модулей, возле которых лениво передвигались военнослужащие низших чинов, и вошли в один из технических боксов.

Пожилый сержант-индус, заведующий складом амуниции, выдал Роману комплект блекло-желтого пятнистого обмундирования, кепи и ботинки. Роман тут же для пробы переоделся, натянул на нос кепи и стал похож на типичного новобранца-перестарка. У нас таких называют «партизанами».

Он посмотрелся в зеркало и остался доволен. То, что нужно.

– Возвращайтесь к своей палатке, – сказала Эдвардс, равнодушно смотревшая на его преобразование. – Я вернусь через пять минут.

– О'кей, – отозвался Роман молодцевато.

Они разошлись в разные стороны. Эдвардс быстрым шагом направилась куда-то к центру лагеря. Роман же, сунув под мышку сверток с одеждой, медленно побрел назад.

Возле солдатских модулей несколько молодых ребят затеяли игру в регби. Жара их, видно, не пугала. Или пообвыкли, или по молодости не знали еще, что такое гипертония и аритмия.

Трое против четверых, они начали азартно гоняться друг за другом, стараясь отнять чечевицеподобный мяч. В каждой команде было по двое чернокожих парней. Белые и черные гибкие тела носились в облаке пыли, вызывая поощрительные крики болельщиков, спрятавшихся в тени модулей. Солдаты были мускулисты, хорошо откормлены и вкладывали в игру всю нерастрченную сексуальную энергию, скопившуюся за время сидения на базе.

Роман, задержавшись на минуту возле игроков, побрел дальше, думая о том, что кто-то из этих парней никогда не реализует свои плотские желания. Талибы колошматили Северный альянс жестоко, сводки были малоутешительны, и, если сидение затянется, УК потеряет не одну сотню своих сыновей.

Зазвонил мобильный. Роман отыскал его в одном из карманов, куда сунул наспех во время переодевания, глянул на дисплей.

Леня.

– Здравствуй, Ленчик, дорогой...

– Как добрался? – деловито спросил Леня.

Он терпеть не мог понапрасну терять рабочее время.

– Хорошо добрался, с ветерком...

– Ты там, где должен быть? – уточнил Леня, тщательно соблюдая конспирацию.

Роман перед отъездом сообщил ему, куда на этот раз путь держит, и Леня просто-таки загорелся новыми возможностями.

– Там, Леня, там, – улыбнулся Роман предосторожностям друга.

Вот ведь, партикулярный человек, а как понимает военную тайну.

– Вот что, слушай внимательно, – дубининским тоном сказал партикулярный человек. – Я тут собрал кое-что по тому региону. В общем, как договаривались, держи нос по ветру, лови все, что словится. Там разберемся. Но особо постарайся прощупать, как дела у компании «Транс ойл». «ТРАНС ОЙЛ», запомнил?

– «Trans Oil», right? – уточнил Роман.

– Не выпендривайся, Морозов, – сказал Леня. – Мой английский, конечно, похуже твоего, но в Гарварде ко мне претензий не было.

– Sorry, mister Prigoff, – пробормотал посрамленный Роман.
– То-то же. Молчи и слушай. Повторять не буду. Эта компания в тех краях одна, ее знают все...

– Все-превсе?

– Все.

– Все-превсе-превсе?

– Ты что там, от жары в детство впал? – ничуть не раздражаясь, спросил Леня.

– Тут кто хочешь впадет, – сказал Роман, покосившись через плечо на играющих парней.

– Это, my dear friend, твой выбор. Мы об этом говорили раз пятьсот. Так что жалобы не принимаются.

– Тебе пожалуешься.

– Вот и не стоит. Давай лучше, берись за работу. Чем быстрее и качественнее ты ее сделаешь, тем скорее решишь свои проблемы.

Роману второй раз показалось, что он разговаривает с Дубининым. Вот же, сколько начальства на его голову.

– Это какие, например? – поинтересовался он.

– Да все-превсе.

– И пубертатную тоже?

– А вот эту, похоже, ты не решишь никогда, – вздохнул Леня. – Все, Рома, мне пора.

Надеюсь на твою сознательность.

– Я тоже, Леньчик. Пока?

– Будь здоров.

Роман кивнул, положил телефон в карман, задумчиво свернул за угол и едва не налетел на высоченного, роскошного сержанта с эмблемой спецназа на берете.

– Рядовой, – гаркнул тот, надувая жилы на крепкой шее. – Вы ослепли?!

– Виноват, сэр! – вытянулся во фронт Роман.

Сержант смерил его долгим взглядом. Его вытянутое, с гипертрофированными челюстными мышцами лицо презрительно сморщилось.

– Что за вид, рядовой! Безобразие! Наберут доходяг и хотят, чтобы мы победили... Кто ваш командир?

– Майор Гордон Браун, сэр.

Сержант надвинул брови на глаза, напрягая память. Имя было вроде ему знакомо, но вот откуда? Поморгал ресницами, но так и не вспомнил.

– Это из мотострелков? – спросил нерешительно.

– Никак нет, сэр. Из хозроты.

– А, – кивнул с облегчением сержант. – Тогда все понятно... Доложите вашему командиру, рядовой, что сержант Хук из роты спецназа объявил вам взыскание.

– Есть, сэр!

– Можете идти.

Роман лихо подхватил под козырек и двинулся дальше чуть ли не строевым шагом. Вот она, сила армейского внушения. Бодрит, как укол адреналина.

В палатке его ждали полковник Дэвис и капитан Гарди. Ровно через минуту подоспела Эдвардс.

– Транспорт будет через десять минут, – доложил капитан Гарди, глянув на часы.

– Замечательно, – кивнул Роман. – Один вопрос, полковник.

– Да? – отозвался тот.

– Мне какое-нибудь оружие полагается? Все-таки выезд в поле – дело опасное, и я бы не отказался хотя бы от «веблей-скотта».

– Что значит, хотя бы! – возмутился Дэвис. – Револьвер «скотта-веблея» – отменное оружие, прекрасно себя зарекомендовавшее...

– Полковник, – тихо сказала Эдвардс.

Тот спохватился и сердито пробурчал, что никакого оружия российскому гостю не полагается. Он находится под охраной вооруженных сил Великобритании, и пистолет ему совершенно ни к чему.

– Ни к чему так ни к чему, – не стал спорить Роман. – Буду надеяться на вашу охрану.

– С вами едет капитан Эдвардс, – сообщил полковник.

– Капитан, – улыбнулся Роман своей попутчице.

Та лишь сухо кивнула в ответ. О нее бы ножи точить, отличный вышел бы брусок.

– Поедете на боевой машине пехоты «Уорриор», – продолжил Дэвис. – Это самый надежный транспорт. Помимо экипажа с вами для охраны отправится группа спецназа численностью в пять человек.

– Таким образом, все сидячие места будут заняты, – сказал Роман, обнаруживая неплохое знание ТТХ боевой техники ВС Великобритании.

Похвалы за свои знания он не дождался. Напротив, полковник Дэвис омрачился и со значением посмотрел на капитана Гарди.

«Напрасно мы связались с этим русским», – расшифровал Роман без труда его взгляд.

«Это точно», – мысленно ответил он.

– Командир группы – сержант Хук. Это опытный офицер, не раз проявивший себя в горячем деле с самой лучшей стороны. На него можно положиться.

16 мая, Восточный Афганистан, 13.30

«Уорриор» быстро несся по гравийной дороге, подымая облака рыжей пыли. Езда была комфортной благодаря мощным амортизаторам и удобным сиденьям. Пыль и жара оставались за бортом, внутри же кондиционеры создавали вполне божеский климат. Имелся даже крошечный, но вполне реальный «химический» туалет, заимствованный у танкистов, так что при необходимости экипаж мог не вылезать наружу сколь угодно долго.

Все верно, профессиональные вояки должны воевать с удобством. Раз для них война – работа, приносящая к тому же колоссальный доход работодателям, то и условия должны быть подходящие. Это же одно удовольствие вспомнить, как лихо ели цыплят и пили бургундское доблестные мушкетеры в бастионе под Ла-Рошелью, изредка постреливая в подлезавшего неприятеля. Так бы воевать и воевать. Опять же, если вспомнить советских солдатиков, волочивших на себе технику и пушки по топям да сугробам, копавших бесконечные траншеи и евших все подряд, вплоть до портянок, то вывод напрашивался сам собой: такая война нам не нужна.

А тут – хм, живи и радуйся.

Для обозрения местности имелись специальные, оборудованные сверхсовременной оптикой оконца. Оптика создавала стереоскопический эффект, что позволяло вести обзор с борта на полные сто восемьдесят градусов.

Вырвавшись за ворота лагеря, Роман сперва с интересом смотрел в окно. Обрадовала чахлая рощица у подошвы горы, забавным показалось стадо пестрых коз на пригорке. Ничего, люди как-то живут, не все так плохо, как это может показаться во время просмотра телевизионных репортажей. Вон и квадратики земли возделаны, и вода в арыках течет, и виноградные лозы зеленеют.

Пока ехали окраинами Кандагара, Роман тоже все поглядывал за борт, пытаюсь отыскать какие-то перемены, произошедшие за время его отсутствия.

Но когда увидел мальчишек, гоняющих босыми ногами мяч, сделанный из тряпья, понял, что ничего здесь никогда не изменится. Машины на дорогах – все сплошь добитый хлам. Высотных домов новых не видать, а старые облупились и почернели. На улицах – только мужчины, женщин нет ни одной. Главный грузовой транспорт – библейский осел, навьюченный либо вязанкой хвороста, либо мешками с зерном. Повсюду – кучки исхудалых, ничем не занятых мужчин в национальных одеждах, провожающих «Уорриор» ненавидящими взглядами. Из одного переулка кто-то швырнул камень, глухо грохнувший по броне. Хорошо, что еще не обстреляли из гранатомета.

Когда выбрались на проселок, обставленный с неуместной щедростью со всех сторон горами, Роман отвернулся от иллюминатора окончательно. Почему-то резко испортилось настроение. Уж очень многое напомнили ему эти каменистые виды. Он и не ожидал, что так проберет. Вот тебе и закалка профессионального разведчика.

– Что, надоело разглядывать эти красоты? – спросил сидевший напротив него крепыш-капрал с густыми бровями чистокровного шотландца.

Роман сморщил нос.

– Можно сказать и так.

– У меня на родине сплошь такие же горы, – открыл в улыбке ровные зубы капрал. – Только, конечно, цвета другие. Тут все рыжее да белое. И от пыли не продохнуть. У меня – зеленое и голубое. И еще вода, много воды. А если не поленишься и проехать двадцать миль до морского побережья...

– Маккаферти, – одернул своего не в меру разговорчивого подчиненного сержант Хук. Маккаферти замолчал, ограничив свои воспоминания тяжелым вздохом.

Сержант Хук неприязненно покосился на Романа. Видимо, считал его человеком, с которым надо держать ухо востро. Он едва скрыл свое изумление, когда через кормовую дверь в БМП полез давешний растяпа из хозроты, препохабнейше при этом подмигивая. Первым желанием сержанта Хука было немедленно вышвырнуть наглеца вон. Но когда он увидел, что нежданного пассажира напутствует на дорогу сам полковник Дэвис, а в сопровождающие к нему назначена капитан Эдвардс из разведотдела, прикусил язык и выразил своим длинным лицом некое подобие гостеприимства.

Всю дорогу он присматривался к Роману, гадая, к какой категории людей его следует отнести. Но, видно, ни к чему определенному не пришел и отнес гостя к категории «штабных штучек», которые сами не знают, чего ищут, а только путаются под ногами у честных солдат, к которым, без сомнения, принадлежал он, сержант спецназа Питер Хук.

Вот и Маккаферти он не позволил болтать лишнего, вполне резонно опасаясь, что этот штабной крючок выловит какую-нибудь ересь в словах капрала и доложит наверх о неблагонадежности личного состава. Таких примеров – пруд пруди, и сержант Хук не был настолько прост, чтобы попасться на подобную уловку. Нет уж, братец, охранять мы тебя будем, как нам положено по службе, а вот в разговоры мы с тобой вступать не обязаны. Тем более так называемые «задушевные», в которые так любил ударяться этот шотландский болтун, Шон Маккаферти. Поди гость, томно выглядывая в окно, только того и ждал, чтобы с ним заговорили. Нет, мистер хитрец, не дождешься, не на того напал.

«Мистер хитрец» тем временем, помня, что езды еще часа полтора, сел поудобнее и заснул как ни в чем не бывало.

«Уорриор» имел очень мягкий ход, но порой его трясло довольно ощутимо. Чтобы спать в таких условиях, надо было иметь особую привычку. Похоже, гость эту привычку имел, поскольку, хотя сержант Хук и подозревал вначале, что он только делает вид, что спит, а на самом деле ведет неутомимый надзор, гость уснул самым непосредственным образом и даже по-простецки приоткрыл рот, что уж никак не вязалось с образом тайного проверяющего.

Все-таки сержант Хук решил бдительности не терять и в дальнейшем с гостя глаз не спускать.

А пока, придерживая одной рукой стоящий между ног «стерлинг-L2A3», он тоже задремал, успокоив свою совесть тем, что раз гость так крепко спит, то до конца пути не проснется, а он, Хук, будет последним дураком, если не скоротает дорогу самым подходящим для этого способом, древним, как само солдатское ремесло.

Клевали носами и остальные. Из всех пассажиров только капитан Эдвардс за всю дорогу не сомкнула глаз. Изредка поглядывая на спящего русского капитана, она о чем-то напряженно думала. О чем? Это невозможно было угадать, глядя на ее неподвижное лицо. Хотя напряженная поза говорила сама за себя, а продвижение по заданному маршруту автоматически настраивало ход мыслей на известный лад.

– Подъезжаем, капитан, – оповестил ее командир «Уорриора», старший сержант Болтон.

– Хорошо, – кивнула та, – я в курсе.

У нее в руках был навигатор, на который она время от времени внимательно поглядывала. Затею русского она не одобряла. Но понимала, что помощь его может оказаться весьма существенной, а потому решила оказывать ему всевозможное содействие. Пусть работает. В этих местах он не новичок, ведет себя очень уверенно, и, похоже, текущие трудности его не смущают. Что ж, посмотрим, на что он способен.

– Просыпайтесь, капитан, – сказала она негромко.

– Уже проснулся, – откликнулся Роман, потягиваясь с уютным домашним похрустыванием.

Остальные бойцы тоже зашевелились, начали поправлять амуницию, проверять оружие. Все были опытными воинами и знали, что выход на открытую местность чреват опасностями.

Одинокий БМП, не прикрытый ни вертолетами, ни хотя бы танком, – легкая мишень для местных головорезов. Утешало только то, что передвигались они достаточно быстро. Если операция не затянется, то, возможно, они успеют смыться до того, как духи подтянутся к месту высадки.

От ушей сержанта Хука не укрылась то, что Эдвардс назвала неприятного пассажира «капитаном». Это лишь усилило его подозрения. Ясно теперь, почему его сажал в вертолет начальник базы. Либо из разведки, либо, что вероятнее, из секретной части. Будет «рыть», почему прошляпили колонну с оружием. Теперь, пока не найдут «стрелочника», не успокоятся. Это уж как водится.

«Уорриор» остановился.

Роман глянул в окно. За ним почти ничего не изменилось. Те же морщинистые горы, вплотную подступающие к дороге своими каменистыми подошвами, та же унылая ржаво-серая палитра.

– Это произошло здесь? – обернулся он к Эдвардс.

– Здесь.

– Ну что ж, выходим.

Кормовая дверь широко распахнулась, бойцы один за одним выпрыгнули на дорогу. Они привычно рассыпались вокруг БМП, прочесывая территорию хмурыми взглядами. Один из бойцов был вооружен снайперской винтовкой. Присев на колено, он водил прицелом по складкам близлежащих гор, отыскивая притаившихся боевиков.

Роман вышел из БМП, глотнул налетевшей пыли. Сразу запершило в горле, захотелось промочить горло холодной водичкой.

– Это там... – указала Эдвардс.

– Вижу, – кивнул Роман, направляясь неспешным шагом к разбросанным на обочине оплавленным металлическим обломкам.

За эту неспешность сержант Хук его просто-таки возненавидел. Вот же сволочь штабная. Сразу видно: не был в бою, не нюхал порошу. Если бы хоть раз побывал под обстрелом, бегал бы втрое быстрее.

Остальные бойцы тоже косились на чужака. Но служба есть служба. Их дело маленькое: приказ получили, надо выполнять. Однако в душе каждый из них наградил «особиста» весьма нелестными эпитетами.

Роман прошелся по дороге, изрытой относительно свежими воронками.

Так, здесь идет отвесная стена, вдоль нее по ущелью и тянется дорога. А напротив, через овраг, на дне которого течет узкая речушка, плавно подымается горный кряж. Именно оттуда и велся обстрел.

Пока все было так, как рассказывал полковник Дэвис.

Медленно вышагивая по раскаленному щебню, Роман видел, что бойцы охраны нервничают. А, голуби, не привыкли воевать без солидного сопровождения? Вам подавай бронетанковый корпус, не меньше, тогда вы будете чувствовать себя уверенно. А вот так, малыми силами? Что, слабо?

А ведь они еще не догадывались, что их ждет впереди. То-то обрадуются.

Роман промерил шагами весь стометровый отрезок, на котором велся бой. Ошметки стали, резины, осколки стекла. Да, поддали духи англичанам жару. Это они лихо умеют делать. Место засады выбрано идеально. Солнце било колонне в глаза. Они, бедолаги, поди, и не видели, в кого стреляли в ответ.

Впрочем, стреляли недолго.

– Нашли что-нибудь интересное, капитан?

Эдвардс шагала следом за Романом, выдерживая дистанцию в три шага. Если возникающая порой на его губах улыбка ее и раздражала, то она была слишком хорошо вышколена, чтобы обнаруживать свои чувства. К тому же не хотелось думать, что русский смеется над

ее соотечественниками, разбитыми в пух и прах безграмотными дикарями. Хотя именно эта мысль и приходила в ее чисто британскую голову.

– Пока нет, – отозвался Роман. – Но надеюсь найти.

– Не понимаю, – впервые заперечила ему Эдвардс. – Что вы хотите здесь отыскать?

– Здесь – нет.

– А где?

– Там.

Роман ткнул пальцем в горный кряж напротив.

– Там?

– Да, именно там.

– Не понимаю.

– Помните, капитан, я говорил о кяризах?

– Да, помню. Но не хотите же вы...

– Именно что хочу.

– Но это действительно очень рискованно, – негромко, так, чтобы ее не услышали спецназовцы, заговорила Эдвардс. – Вы, похоже, плохо понимаете обстановку, капитан. Эти места самые опасные во всем Афганистане...

– Обстановка не мое дело, – сказал Роман. – Пусть в ней разбираются ваши военачальники. Я же должен осмотреть кяризы, в которых, по моему мнению, скрыто немало интересного. Если вы не хотите рисковать жизнями ваших солдат, оставайтесь здесь, под прикрытием БМП. Я схожу один.

– Один? – изумилась Эдвардс.

– Да, один. А что тут странного? Тут недалеко, я справлюсь за час, максимум полтора. Думаю, если «Уорриор» встанет вон за тем выступом, его, во-первых, не будет заметно издали, во-вторых, он сможет без труда отбить любую кратковременную атаку. А поскольку пока нам ничего не угрожает, то в ближайший час-два, я надеюсь, до атаки дело не дойдет.

Эдвардс внимала ему молча, но с явным противоречием во взоре. То, что русские немного сумасшедшие, она, конечно, теоретически знала. Теперь вот довелось убедиться в этом воочию.

– Мы пойдем с вами, – сказала она, подумав самую малость – с минуту.

– Что ж, в компании мне будет веселей, – улыбнулся Роман.

– Похоже, вас это развлекает? – не смогла удержаться от язвительности Эдвардс.

– В некотором роде.

Эдвардс хотела еще что-то сказать, но промолчала, блюдя знаменитую британскую выдержку.

Подойдя к БМП, она сделала несколько коротких распоряжений и через три минуты в сопровождении сержанта Хука, капрала Маккаферти и еще одного рядового подошла к Роману, задумчиво озирающему с края дороги горную цепь.

– Мы готовы, капитан. Я думаю, трех человек сопровождения будет достаточно. Здесь для прикрытия остались двое бойцов и экипаж. Снайпер займет одну из высот и оповестит нас и экипаж о возникновении опасности.

– Отлично, – кивнул Роман. – Вы прирожденный стратег, капитан Эдвардс.

Маккаферти оскалил зубы в радостной улыбке, но сержант Хук так грозно глянул на него, что он сейчас же осекся.

«Уорриор» взревел, дал задний ход и задвинулся за скальный выступ – именно так, как и советовал Роман. Теперь БМП был почти незаметен с дороги, а его тридцатимиллиметровая пушка, установленная вместе со спаренным 7,62-мм пулеметом на вращающейся башне, могла простреливать местность по всему потенциально опасному периметру.

– Проще всего перебраться через гору вон через ту седловину, – указал Роман на облюбованный им участок кряжа. – Там и пониже, и наверняка тропа имеется.

– Хорошо, – кивнула Эдвардс, собранная и сухая, как обычно. – Вперед.

Пятеро человек начали спускаться с дороги в овраг. Осыпались под ногами мелкие камни, пыль густо полезла в глаза и горло. Хорошо, что дул ветерок, относил пыль вниз, к речке. Но речка не речка, а духота стояла невыносимая, солнце пекло нещадно, и каждое движение вызывало бурный протест изнывающего под плотной тканью тела.

«Хорошо бы, – думал Роман, следя за тем, чтобы не оступиться на щебне, – натянуть широкую, до земли, афганскую рубаху, а на голову вместо кепи, через которое припекает будь здоров, намотать легкую чалму. То-то было бы хорошо».

Спуск прошел успешно. И веревки не понадобились, хотя предусмотрительный сержант Хук предлагал воспользоваться страховкой.

Они бы еще спасателей вызвали, подумал Роман. Первым подойдя к реке, он присел на корточки и сполоснул загоревшееся лицо.

– Забыл захватить крем для загара, – пожаловался он капитану Эдвардс, подошедшей следом. – Не одолжите?

– Не держу, – серьезно ответила та.

В воду она не совалась, видимо, опасаясь заразы. Аккуратно перешла по камням на ту сторону, подняла голову, изучая рельеф.

Роман выпил несколько полных горстей. Вода была тепловатой, но на вкус приятной. Что касалось заразы, то здесь ее хватало повсюду, берегись не берегись. Там, где война, там и болезни. А в этом краю война никогда не кончается.

Спецназовцы тоже перешли на другой берег, не задерживаясь. Сержант Хук обернулся на Романа, мол, чего задерживаешь?

Роман намочил кепи, нашлепнул на голову и двинулся за своими спутниками. Вот же какие торопливые. Не понимают прелестей солдатской жизни.

– Вы бы поосторожней, – сказал Маккаферти, настроенный к нему дружелюбнее других. – Тут недавно вспышка холеры была, куча народу перемерла.

– Что ж вы сразу не сказали, капрал?

– Вы так вкусно пили...

– Называйте меня «капитан».

– Так вкусно пили, капитан, – засмеялся Маккаферти. – Жалко было мешать.

Сержант Хук покосился на него, но ничего не сказал. Обернувшись назад, он нашел взглядом засевшего на высоте снайпера, спросил у него в радиомикрофон, как дела. Видимо, снайпер дал успокаивающий ответ, потому что Хук удовлетворенно кивнул и двинулся на штурм горы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.